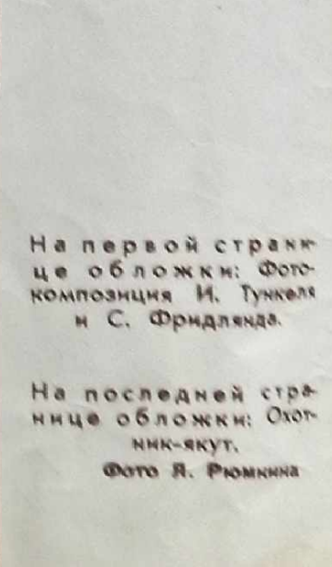

ОГОНЁК
№ 1 ЯНВАРЬ 1953
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
С Новым годом, товарищи!
СТАЛИНУ
СЛАВА

В лесу зимой.
Фото Е. Умнова

На первой странице обложки: Фотокомпозиция И. Тункеля и С. Фридлянда.

На последней странице обложки: Охотник-якут.
Фото Я. Рюмкина

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 1 (1334) 1 ЯНВАРЯ 1953

31-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ЗА ВЕЛИКОГО СТАЛИНА!

Нам, советским людям, в высшей степени присуще чувство нового. Содержание всей нашей жизни есть постоянная, неутомимая борьба нового со старым.

Каждый новый год для нас — действительно новый. Праздновать наступление нового года для нас не пустая традиция, не мертвая форма. Это — живое выражение нашего уверенного движения вперед.

Каждый новый год для советского народа — новая веха на пути к коммунизму, к полной и окончательной его победе.

Мы знаем, что только коммунизм принесет человечеству полное счастье. Вот почему, когда мы говорим о счастье, мы прежде всего говорим о коммунизме.

Движение к коммунизму в нашей стране совершается с быстротой поистине волшебной. Изменяется лицо нашей страны, меняется облик советского человека. Великая Коммунистическая партия, возглавляемая великим Сталиным, вызвала к жизни неисчерпаемые творческие силы советского народа

И вся эта грандиозная энергия направлена к одной цели — к счастью народа. Воистину счастлив наш народ. Счастье сделалось воздухом нашей Родины. Им дышит каждый советский человек. Дышит глубоко и спокойно, полной грудью.

Счастье советского человека заключается в том, что он живет по законам высшей справедливости. Его совесть чиста. Он никого не угнетает, не грабит, не убивает. Он свободно и вдохновенно трудится на своей свободной земле. Ему чужды корыстолюбие, алчность, эгоизм. Он не строит своего счастья на несчастье другого. Его личное счастье — это счастье всего общества. Счастье всего общества — его личное счастье. И в этом его величайшее преимущество перед человеком капиталистического мира, мелким индивидуалистом, прикованным тысячью цепей к неуклюжей, громоздкой, разваливающейся колымаге старого мира.

Каждый новый год поднимает советского человека на новую высоту, откуда он спокойно озирает свой пройденный путь и путь, который ему еще предстоит пройти.

И гордость наполняет сердце его.

Он видит счастливую советскую землю, которая день ото дня становится все краше, сильнее, счастливее. И он знает, что это — дело его рук. Он видит необозримые колхозные поля, грандиозные электростанции, автоматические заводы, стремительные автомагистрали, цветущие сады там, где были пустыни, лесные полосы, театры, школы, университеты, библиотеки...

Он видит на горизонте очертания еще более величественных сооружений. Он видит реки, повернутые вспять, и полет межпланетных кораблей.

И все это создано его руками — чудесными золотыми руками нового, освобожденного человека.

И вот помните, как сказано у Маяковского?

Кузни времен вздыхают меха —
и новый
год
готов.
Отсюда
низвергается громыхая
страшный оползень годов.

Но этот оползень годов страшен лишь для людишек старого, одряхлевшего капиталистического мира. Страшен для банкиров, миллиардеров, обезумевших уолл-стритовских генералов, для социал-предателей, шпиков, черных воронов Ватикана. Оползень годов снесет всю эту нечисть, все это отребье человечества в пропасть вечного забвенья.

Для нас движение времени не страшно. Время за нас. С каждым годом, с каждым днем, с каждым мигом мы становимся свободнее, богаче, мудрее, сильнее, непобедимее.

Стрелки часов приближаются к двенадцати. Наполним бокалы, товарищи! Кремлевские куранты бьют двенадцать. Звенящие звуки прыгают со ступеньки на ступеньку по воздушной лестнице новогодней ночи.

Сверкают звезды Кремля.

За здоровье того, кто сделал нас счастливыми! За здоровье того, кто каждый наш новый год сделал воистину новым и кто наше счастье сделал воистину новым! За солнце нашей жизни! За великого Сталина!

Валентин КАТАЕВ

МАШИНЫ И Л

Борис АГАПОВ

Машина входит в формулу открытого И. В. Сталиным основного экономического закона социализма, существенные черты и требования которого определяются так: «...обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники». Непрерывный рост производства, непрерывное совершенствование техники неотделимы от создания совершенных высокопроизводительных машин.

В капиталистическом обществе машина не всегда и не везде обязательна. Основным экономическим законом капитализма является обеспечение максимальной капиталистической прибыли, следовательно, там, где прибыль может быть получена без участия машин, они должны быть исключены. Это происходит, например, в колониальных странах, где ручной труд оказывается дешевле машинного. Это происходит и в метрополиях, когда в связи с понижением конъюнктуры цена на рабочие руки падает столь низко, что выгоднее не прибегать к совершенной технике. Известно, что очень часто капитализм выступает как палач новой техники, ибо технический прогресс мешает выколачивать максимальные прибыли.

Раздолье для технической мысли — черта социализма. В отчетном докладе XIX съезду партии товарищ Г. М. Маленков указывал, что только за последние три года советское машиностроение создало около 1 600 новых типов машин и механизмов. Эта цифра интересна не только своей огромностью и не только тем, что все 1 600 типов выпускаются заводами и уже работают в промышленности и на строительстве, но еще и тем, что новые машины возникают не произвольно, а в зависимости от главных направлений производственной деятельности, избранных страной на ближайший период.

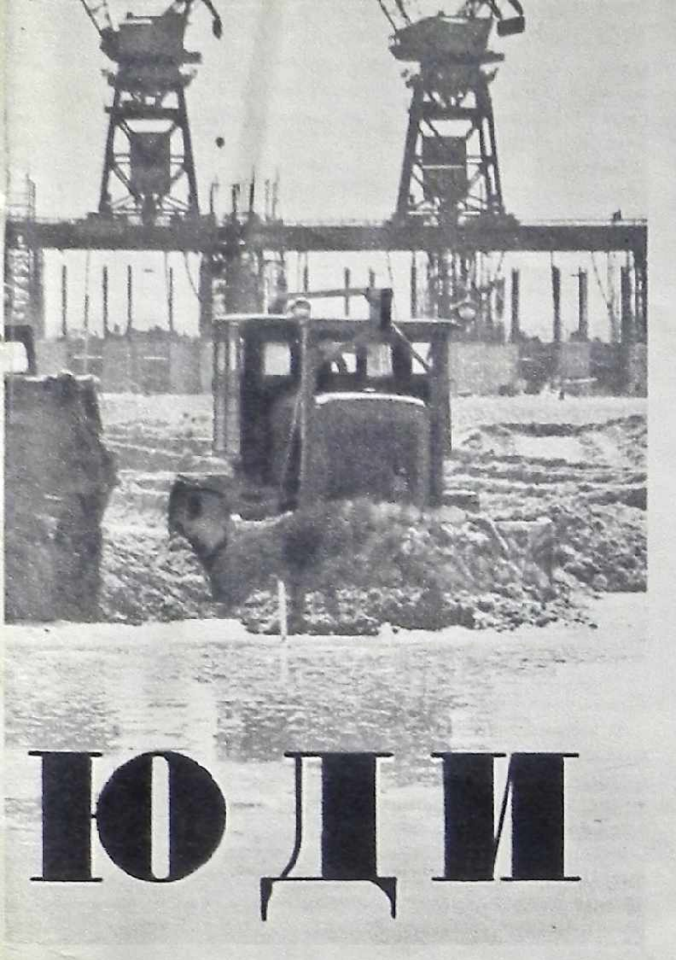
Известно, например, что за послевоенные годы особенно шагнула вперед землеройная и угледобывающая техника. Когда намечалась огромная программа строительства, выяснилось, что для осуществления этой программы при той насыщенности механизмами и той мощности машин, которые имели место в тридцатые годы, потребовались бы десятки миллионов чернорабочих. Такая перспектива была, во-первых, несовместима с задачей быстрого культурного роста рабочего класса, а во-вторых, грозила острым дефицитом рабочей силы. И вот конструкторская мысль была мобилизована на механизацию тяжелых и трудоемких работ.

На земле и под землей появились машины, решительно изменившие все наши представления о темпах, масштабах и условиях труда строителя и горняка. В числе их такие гиганты, как четырнадцатикубовые экскаваторы, землесосы, перекачивающие тысячу кубометров пульпы в час, комбайны для горизонтальных и крутопадающих угольных пластов. Огромные земляные работы на Волго-Донском

Есть в Челябинской области Коелгинский мраморный рудник. Здешние старожилы могут рассказать, какой это тяжкий труд — разрезка мрамора на блоки. Лауреат Сталинской премии А. М. Столяров сконструировал машину, которая легко разрезает мрамор. На снимке: камнерезная машина в забое.

Этот снимок воскрешает одну из страниц вдохновенной летописи строительства Волго-Дона. ...Вот они выстроились в полной «боевой» готовности, верные друзья строителей — бульдозеры, мощные гусеничные тракторы с укрепленными впереди на специальной штанге стальными отвалами-ножами. Наезжая на пни, бульдозер вырывает их из земли вместе с корнями. Каждая такая машина выполняет работу более 300 человек.

ЮДИ

каналe имени В. И. Ленина, на строительстве волжских ГЭС, Главного Туркменского канала и на других стройках были бы невыполнимы без новых, сверхмощных механизмов.

Начальник «Сталинградгидростроя» тов. Ф. Логинов недавно сообщил в печати, что уже в первый период стройки более 95 процентов всех земляных работ выполнено машинами и почти на 100 процентов механизировано все производство бетона. Примерно так же обстоит дело и на других крупных стройках.

Сейчас строитель располагает гаммой механизмов и может выбирать наиболее удобные для тех или иных условий. Больше того: он имеет возможность приспосабливать тот или иной механизм для специальных целей, например, для раскорчевки мест вырубки, срезки кочек, предварительной снегоочистки. Он может выбрать машину для особо плотных или тяжелых грунтов, для работы на косогорах, может комбинировать разные механизмы, сочетать их, чтобы дело шло быстрее и экономичнее. Так столяр, обрабатывая доску, применяет различные инструменты, начиная от грубого шерхебеля и кончая фуганком. Однако условия, которые должен учитывать столяр, неизмеримо проще и ограниченнее, чем те, перед которыми оказывается руководитель механизмов. Современный строитель, командующий парком машин, скорее напоминает полководца, намечающего стратегию войны и стремящегося использовать все роды оружия для завоевания победы.

На одном из участков строительства Волго-Донского канала перед землесосом оказался суглинок. Фреза землесоса, вращаясь в суглинке, не создавала пульпы, то есть не перемешивала грунт с водой. Верхние слои земли не обваливались. Никакие усилия, никакая изобретательность работавших на земснаряде людей не могли помочь делу. Им нужна была помощь «сверху». Руководители участка решили снять верхние слои грунта скреперами и кранами, а в тех местах, где земля оказалась особенно твердой, применили экскаваторы. Эта стратегическая хитрость, это взаимодействие нескольких родов оружия принесли результат: трудный участок был пройден даже раньше намеченного срока!

Существует представление о том, будто на сложных машинах очень просто работать. Сидит, мол, человек за пультом и нажимает кнопки. Что же тут трудного? Повышая производительность, механизмы требуют от человека все большего творческого напряжения, все большей технической культуры. Это относится не только к тому стратегу-руководителю, о котором мы только что говорили. Это касается и людей, непосредственно работающих на механизмах.

Обратимся, например, к землесосному снаряду. Большинство его экипажа занято контролем и уходом за сложными и мощными агрегатами, действующими в двухэтажном машинном зале, напоминающем машинное отделение корабля. Управление земснарядом производится из командирской рубки, откуда открывается широкий кругозор — на берега реки, водную гладь, на небесную ширь. Не видно отсюда только одного: что делается под водой, то есть там, где и происходит процесс «землесосания». Несмотря на обилие солнца и прозрачность воздуха, человек, управляющий земснарядом, подобен летчику в слепом полете. Он ориентируется только по приборам. Дрожащие стрелки вакуумметров говорят ему, каково разрежение в тех или иных местах засасывающих труб. Соответственно этим данным управляет он всем комплексом механизмов земснаряда. Он может поднимать или опускать разрыхляющую фрезу, ускорять или замедлять ее вращение, давать большую или меньшую скорость всасывающему турбонасосу, изменять направление оси земснаряда, — словом, в его руках различные возможности для достижения лучшего результата. От его знаний, сноровки, изобретательности зависит успех. Он тоже стратег.

Но когда человек чувствует себя стратегом, когда он уверен, что от его проницательности и упорства зависит общий успех, силы его учетверяются, мысль начинает жадно искать лучших решений. До недавнего времени считалось, что шагающий экскаватор не может брать мерзлых грунтов. Экскаваторщик Иван Петрович Худяков поставил перед собой задачу: заставить свой «ЭШ-I», построенный на Ново-Краматорском заводе, преодолеть мерзлую землю. После долгих экспериментов и неудач Худяков вышел победителем из этого поединка с морозом, разработал новый метод экскавации мерзлого грунта.

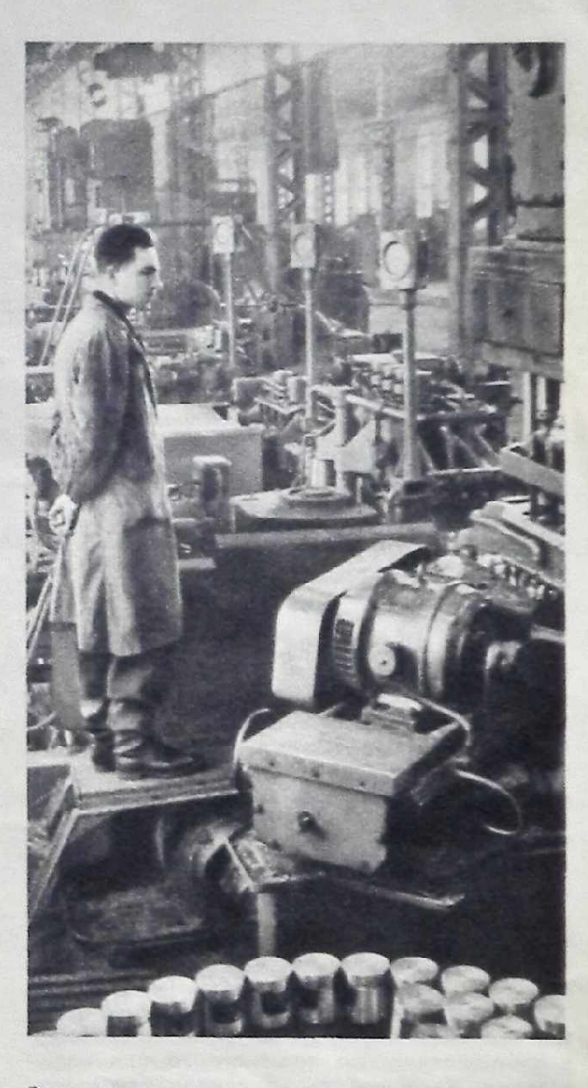
Худяков не один, а главное, он стремится множить число своих последователей. О нем хорошо говорили на Волго-Доне:

— Худяков «совмещает» два производственных процесса. Во-первых, он отлично роет землю, а во-вторых, он обучает этому умению других.

В этом тоже одно из качественных отличий в отношениях человека к машине при капитализме и при социализме. Достижение одного работника у нас тотчас жадно впитывается десятками, сотнями других и таким образом возрастает тысячекратно.

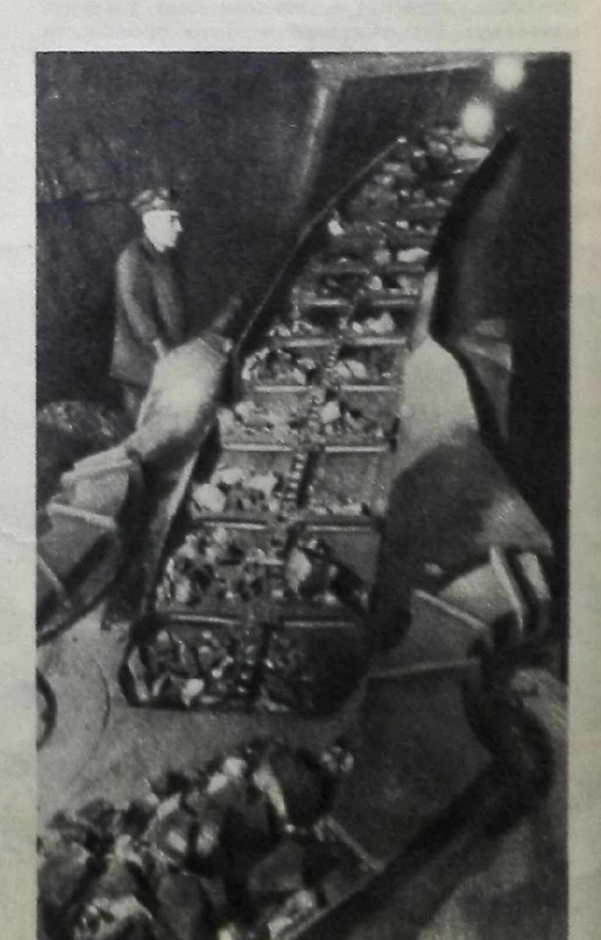
Чем более совершенствуется техника, тем чаще встречаем мы человека за пультом. Руки его лежат на рычагах или прикасаются к маленьким кнопкам, тело спокойно, вокруг чисто, а зачастую и тихо, и только глаза, устремленные на приборы или на обрабатываемый материал, выдают все напряжение внимания и мысли.

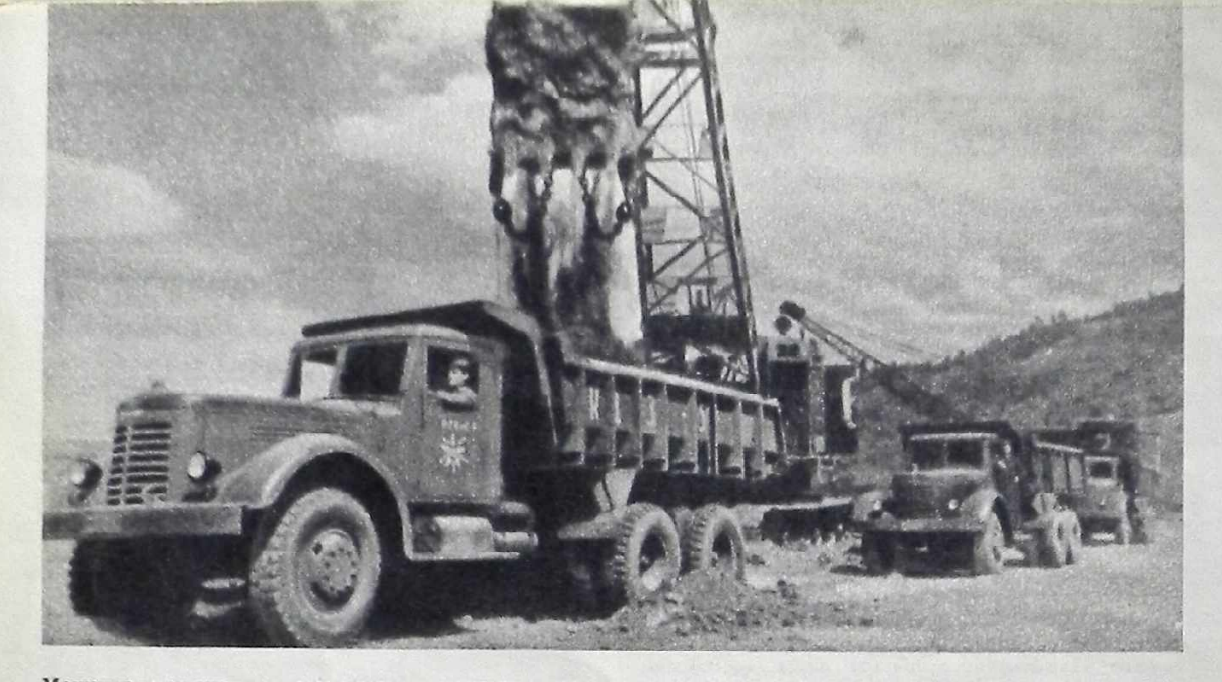
Самыми различными производственными процессами управляет человек за пультом. Вот небольшая светлая комната, стены которой украшены циферблатами и самописцами. Неторопливо прохаживается перед ними их хозяин. Иногда он подходит к письменному столу, берет телефонную трубку, отдает распоряжения. Это «будка газовщика» в современном доменном цехе. Человек перед приборами находится как бы внутри домны: настолько точно знает он, в каком состоянии пребывает ее огнедышащее содержимое. Система щупов, термопар, анализаторов, манометров позволяет ему воссоздавать полную картину расположения, температуры, расплавления всех материалов, поступивших и поступающих в печь, — кокса, руды, флюсов, воздуха... Цель человека у пульта — добиться неизменности работы домны, плавности ее хода. Для этого он обладает многими возможностями, из которых должен выбирать наиболее выгодные. Он тоже стратег. Может быть, этот человек был когда-то каталем и волок на колошник вагонетку с доменным сырьем. Может

Этот снимок сделан в цехе первого в мире завода-автомата. Здесь с одного конца завода подаются чушки — слитки металла, а с другого конца выходят готовые и уже запакованные автомобильные поршни. Руки человека почти не прикасаются ни к станкам, ни к заготовкам поршней за все время их обработки.

Машина облегчает труд человека на земле и под землей. Все, что должен был делать этот шахтер руками, сейчас выполняет за него породопогрузочная машина.

Мощные машины и механизмы переданы советской индустрией на вооружение строителям Куйбышевской ГЭС. На снимке: электрический экскаватор загружает десятитонные автосамосвалы ярославского автозавода грунтом из котлована.

быть, он помнит, с каким почти суеверным трепетом относились к доменному процессу даже знающие инженеры. Многие из них искренне считали, что ход домны зависит от непонятных, таинственных причин и никакому контролю не подлежит. Существовала даже легенда, возникшая у немецких металлургов, будто в глубине домны находится некий «тотерман» — мертвый человек, — некая зона неподвижности и холода, от произвола которой и зависит ход плавления. Как смешны эти вымыслы здесь, перед строем приборов, возле механизмов, которые могут управлять работой огромной печи по воле человека!

Еще немало станков, машин, операций в нашей промышленности имеют внешнее сходство с промышленностью прошлого, то есть капитализма. Какой-нибудь «буллард» или «ньютон» требует и от нашего рабочего тех же движений, что и от американского: поднять деталь, поставить её, закрепить, освободить, снять, толкнуть... Однако, помимо того, что у нас и поднимание и снимание детали облегчено специальными механизмами, есть принципиальная разница в отношении между рабочим и машиной у нас и у них. Всем памятен образ, созданный Чарли Чаплином: человечек с гаечным ключом повторяет одно и то же движение и не может остановиться, даже выйдя на улицу. На Автозаводе имени И. В. Сталина в Москве я познакомился с инженером, который в юности был рабочим конвейера. Его обязанности были просты: он садился за руль собранной машины, запускал мотор и выводил машину из цеха. Когда я встретился с ним, станки его конструкции работали в одном из цехов завода, сам он был известен в инженерных кругах как талантливый изобретатель, а его общественное положение определялось кратко: парторг ЦК на заводе.

Параллельно конвейеру машин на наших заводах существует «конвейер людей». Машина, двигаясь по конвейеру, обрастает деталями. Рабочий же, начав с простейших операций на конвейере, движется все выше, обогащается знаниями, заканчивает школу, техникум, может стать инженером. У нас не любят застывших людей, у нас на производстве все устроено так, чтобы толкать человека к приобретению новых знаний. Одна работница хорошо сказала по этому поводу: «Только когда я двигаюсь вперед, я чувствую себя на месте!»

Наши люди растут, не только занимаясь в школе, кружке, техникуме. Они совершенствуются еще и потому, что совершенствуют свою работу. Даже возле обыкновенного токарного станка токарь Генрих Борткевич сумел стать исследователем. К этому понуждает вся обстановка советского завода, обстановка, естественная для страны, где действует гениально сформулированный И. В. Сталиным основной экономический закон социализма. Высокая цель — обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества — вдохновляет людей, создающих блага, изыскивать для этого лучшие и быстрейшие методы.

Движение новаторов производства изменяет машины, направляет развитие техники по новым путям. Станкостроители поставили перед собою цель — дать промышленности станки, которые смогут выдерживать самые форсированные режимы, вплоть до того, что резец будет резать металл со скоростью полета самолета. (Этой скорости достиг токарь Павел Быков, когда проводил эксперименты режущим инструментом из новых материалов.) Требования и предложения новаторов побуждают конструкторов создавать новые станки и механизмы, реконструировать существующие. Известно, например, что конструкторы Уралмаша внесли немало исправлений в систему своих экскаваторов по указаниям практиков-экскаваторщиков.

Важным фактором, направляющим нашу технику по новым путям, является стремление ликвидировать существенное различие между умственным и физическим трудом, облегчить физический труд. Наиболее яркое выражение этого стремления — автоматические линии и заводы, которые сейчас становятся обыденным явлением в ряде отраслей промышленности.

Если раньше число инженеров, проектировавших завод, было весьма мало по сравнению с числом рабочих, которым на этом предприятии суждено было работать, то теперь, с рождением заводов-автоматов, картина резко и принципиально меняется. Завод-автомат проектируют несколько многочисленных групп высококвалифицированных инженеров и ученых, а число рядовых рабочих на таком заводе равно нулю, если не считать немногих уборщиц и людей, которые принимают материалы и сдают на транспорт ящики с готовой продукцией. Инженеры и техники заменяют на заводе рабочих.

В нашей стране появляются отрасли промышленности, в частности, производство автомобильных поршней, где почти отсутствует физический труд. Конечно, это, так сказать, предельное выражение основной тенденции. Однако такая тенденция существует и руководит нашей промышленностью, чего никак нельзя сказать о мире капитализма. Там об автоматических заводах только болтают в печати, и журналисты обещают, что подобное чудо техники Америка создаст не ранее шестидесятых годов. Впрочем, это сомнительно, ибо такое предприятие никому больших барышей принести не обещает.

Тенденция к замене мускульной силы человека машинами у нас действует отнюдь не только в металлообрабатывающей промышленности.

Механизация погрузочных работ вытеснила профессию грузчика как ведущую профессию в портах и на товарных железнодорожных станциях. Навалоотбойщика в шахте заменяет машинист угольного комбайна или специальных механизмов. Нет более профессии бетонщика бетонного завода, ибо всем заводом руководят автоматы, находящиеся под контролем диспетчера. Недавно в число действующих предприятий «Куйбышевгидростроя» вступил первый большой бетонный завод. Его суточная производительность — более двух тысяч тонн высококачественного бетона. Предприятием, заменяющим полторы тысячи рабочих, управляют четыре человека.

Очень разительно проявляется эта тенденция в социалистическом сельском хозяйстве.

На снимке: автогрейдер среднего типа. Самоходный грейдер по скорости приближается к автомобилю, а по мощности к трактору. Машина способна отремонтировать старую, до крайности изувеченную грунтовую дорогу или же построить новую. По сравнению с прицепным грейдером производительность новой машины повышается примерно в 8 раз, а по сравнению с ручным трудом — в сотни раз.

В гениальной работе И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» читаем: «Мы все радуемся колоссальному росту сельскохозяйственного производства нашей страны, росту зернового производства, производства хлопка, льна, свеклы и т. д. Где источник этого роста? Источник этого роста в современной технике, в многочисленных современных машинах, обслуживающих все эти отрасли производства». На снимке: одна из таких машин, сравнительно недавно пришедшая на колхозные поля, — силосоуборочный комбайн.

Самыми различными производственными процессами управляет человек за пультом. Метуллургический завод имени Ф. Э. Дзержинского. Пульт управления ходом домны. Здесь по контрольно-измерительным приборам следят за режимом работы печи.

Широко известно колоссальное увеличение производительности труда вследствие применения тракторов и комбайнов, — они уже стали нашей обыденностью. Но вот, например, сеноуборка только недавно начала механизироваться. И оказалось, что, скажем, складывание сена в скирды при помощи машин увеличивает производительность в десятки раз. Но техническая мысль уже спешит дальше. Всегда ли надо складывать сено в скирды? Да, всегда! Но как лучше готовить его для перевозок? И вот появляется машина «ППР-1,6». Она движется по полю, где лежит высохшее сено, и оставляет за собою плотно спрессованные, скатанные рулоны, связанные и приготовленные для транспортировки к месту скирдования или на железную дорогу.

Тяжелую работу приходилось выполнять людям, убирающим подсолнечник для силосования. Новый силосоуборочный комбайн скашивает стебли, измельчает их, зеленую массу складывает в бункер, откуда она быстро перегружается на автомашины и транспортируется в силосные башни или траншеи. Такая машина может убрать за день до 50 тонн силоса.

Машина, которая способна за 20 часов вырыть колодезь в 30 метров глубиной, решает одну из труднейших проблем отгонного скотоводства — проблему водопоя. Маленький огородный трактор намного ускоряет кропотливую работу садоводов и огородников. Комбайны, которые откапывают свеклу, очищают ее от ботвы и собирают в бункер корни сахарной свеклы, убирают лен; хлопкоуборочные машины; механизированные тока, сокращающие потребность в рабочей силе в 8—9 раз, и множество других машин и механизмов преобразуют наше сельское хозяйство и высвобождают огромное количество рабочей силы для других отраслей производства.

Стоит ли говорить о том, что в капиталистическом сельском хозяйстве невозможно даже отдаленное подобие такого машинного обилия и разнообразия!

Есть еще одна существенная черта, решительно отличающая новую технику социализма от капиталистической.

В нашей печати уже описывался новейший американский станок «Болей», характер которого вполне соответствует русскому звучанию этого иностранного слова. Человек, работающий на таком станке, должен влезть в хомут, чтобы использовать движения не только своих рук и ног, но также и всего корпуса. Вероятно, конструкторы, создававшие такой шедевр потогонной техники, весьма жалели, что человеческий нос или уши не имеют способности двигаться самостоятельно, как хобот или уши слонов, чтобы и эти органы можно было «запрячь в работу». В связи с «Болеем» интересно вспомнить небольшой эпизод из истории шагающего экскаватора «ЭШ-14-65».

Когда этот гигант, заменяющий 7 тысяч землекопов, начал работать на Волго-Доне, экипаж машины сразу почувствовал, что такое природа придонских степей. Солнце накаляло стены и крышу машинного зала так, что к ним нельзя было прикоснуться. Степной ветер срывал с ковша и с забоя мельчайшую пыль и густо кидал ее внутрь машины. Действовать в такой обстановке было трудно. Сотрудники Института охраны труда ВЦСПС вместе с конструкторами Уралмаша срочно стали изыскивать необходимые меры. И вот экскаватор претерпел еще одно превращение. В крыше машинного зала появилась теплоизолирующая прослойка. В самом зале были установлены мощные вентиляторы и теплоотводы для охлаждения воздуха. Каждая из вентиляционных установок подает 2 500 кубометров воздуха в час. Охлаждение вдуваемого воздуха позволяет понизить температуру внутри экскаватора. В кабине машиниста существует как бы воздушный занавес, который не допускает туда пыль. Теперь внешняя природная среда не страшна для экипажа экскаватора — он может работать хоть на экваторе.

Рассказанная нами маленькая история говорит о большом явлении. Ни одна новая советская машина не создается без самого тщательного изучения, насколько действие ее безвредно для человека. Еще Иван Ползунов сказал: облегчить труд по нас грядущим. Поэтические слова великого механика девизом сверкают над чертежными досками конструкторов социалистических машин.

Облегчить труд и украсить жизнь! Нам довелось однажды увидеть не только машинную разработку мраморов и туфов для облицовки зданий, но и целый завод с весьма совершенными станками, которые режут, фрезеруют и шлифуют не сталь и не алюминий, а камень. Куски гранита или мрамора ложатся на стол могучего станка высотой в двухэтажный дом. Рабочий нажимает кнопки, и фасонные абразивные инструменты начинают свою работу, следуя указаниям стального копира, лежащего рядом. Точная копия архитектурной детали возникает там, где только что была дикая поверхность скалы. Отработанная деталь идет к следующему станку, и он наводит на нее несмываемый веками блеск шлифованного камня, столь безупречный, что только лучшее зеркало может с ним сравниться... Блестит полированная сталь станков, блистает красная зеркальность гранита — так в этом цехе каменный век сошелся с веком электрическим! Тут заготовляется красота, которая потом расцветет в поднебесных карнизах и арках высотных зданий, в пилонах и сводах подземных дворцов метро. Земным недрам будут возвращены камни, отнятые у них. Но какими прекрасными станут они, побывав в творящих руках человека!

Чем больше развивается техника, тем больше расширяется сфера ее применения. На заводах при помощи мощных станков сейчас заготовляются не только облицовка зданий, но и самые здания, во всяком случае, их части. Из стальных швеллеров, прокатанных на металлургическом заводе, создается каркас; готовые оконные рамы и двери привозят с деревообрабатывающих предприятий; и даже целые лестничные марши, куски потолка, балконы доставляются из специальных цехов. Два подобных предприятия — в Москве и в Люберцах — скоро вступят в строй. Они будут выпускать 240 тысяч кубических метров железобетонных деталей — панелей стен, междуэтажных перекрытий, лестничных маршей и т. д. Это позволит ежегодно вводить в строй 700 тысяч квадратных метров жилой площади. На Люберецком заводе уже смонтирована автоматическая линия станков, созданных заводом «Красный пролетарий» для заготовки арматуры. Из цеха будут выходить колонны с такой же скоростью, как сходят с конвейера велосипеды или кастрюли.

Поточный, конвейерный метод производства — наиболее передовой, когда речь идет о выпуске массовой продукции. Станки стоят на месте, а деталь или остов машины движутся. Ну, а что делать, если деталь очень велика, например, тянется на много километров, как это имеет место в производстве бумаги или тканей? Тогда продукцию сматывают в рулоны или складывают. Однако бетонное шоссе не намотаешь и не сложишь! И все же оно тоже делается сейчас «поточным» методом. Только тут движется не обрабатываемый предмет, а станки, вернее, линия станков. Сперва по намеченной трассе проходят машины, которые придают ей вид, удобный для укладки рельсов по краям. Следом идет похожий на кран укладчик рельсов. Теперь, когда рельсы уложены, на них становятся основные машины. Так по километру за каждые два дня разворачивается прочное шоссе семиметровой ширины, а делают все это только 15 человек.

* * *

Каждый из нас в детстве любил возиться с песком. Из песка делались торты и в песке рылись каналы и тоннели. Несколько ударов совка — и в песочной куче возникало ущелье. Совок захватывал примерно 200 граммов песка. Ковш экскаватора берет около 10 тонн грунта. Сильно вырос мальчуган, 40 лет тому назад возившийся в песке: он стал сильнее в 50 тысяч раз!

Прорыть ущелье в горах, сровнять горный кряж, повернуть реку вспять и создать море в пустыне, построить дворец в глубине земли и возвести дворец до облаков — все эти мечты сказок стали былью, и машины служат нам, как в сказках могучие джинны служили Аладину. Только если сказочный джин теперь — это техника, то сказочный Аладин в наши дни — это повелитель машин и властитель природных сил — народ, обративший наконец технику к всеобщему благу!

Мечты

«Я потому и чувствую себя такой сильной и счастливой, что я вместе с моим народом».

«У нас и сейчас хорошая жизнь, но мы сделаем ее еще лучше, еще краше».

«Я еще не решила, какая профессия лучше: педагога или архитектора?»

Маргарита АЛИГЕР

Фото С. Осипова

Девочек привели в школу 1 сентября 1943 года. Еще шла война, но затемненная Москва все чаще и чаще озарялась цветными огнями победных салютов. Армия шла на запад, а девочки писали палочки и получали первые отметки. В мае сорок пятого, в дни Великой Победы, они, написав годовые контрольные, перешли в третий класс, а когда страна принялась за осуществление четвертой послевоенной пятилетки, они распрощались с первой, самой дорогой в жизни учительницей и начали учиться в старших классах. В шестом классе они узнали о гениальном сталинском плане преобразования природы и перешли из седьмого в восьмой, когда над Москвой вознесся каркас нового здания Московского университета на Ленинских горах, когда началось строительство грандиозных гидростанций и судоходных каналов. Они пришли в десятый, последний класс родной школы в дни, когда Родина взволнованно и радостно готовилась к XIX съезду партии.

Десятый класс. Последний школьный год. Неповторимо прекрасная пора прощания с детством, вступления в большую жизнь, выбора личной, единственной дороги в будущее. Как-то решат эту трудную задачу девочки, которые привели учиться 1 сентября 1943 года, которые кончат школу в то время, когда законом нашей жизни стала начертанная XIX съездом партии великая программа борьбы и побед!

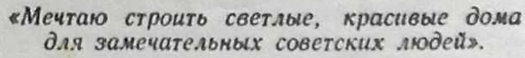
И вот лежит передо мною стопка ученических тетрадок. Это сочинения московских школьниц, учениц 10-го «А» и 10-го «Б» классов 43-й школы Фрунзенского района. Тема сочинения: «О чем я мечтаю».

Безошибочно, пожалуй, задала тему сочинения учительница Ирина Николаевна Шарова. Есть о чем помечтать шестнадцати — семнадцатилетним девушкам, заканчивающим пятилетку в 1952—1953 учебном году. И прежде всего, конечно, это мечта о будущем, о будущем страны и о своем личном будущем, которое так же неотделимо от будущего всего советского народа, от его радостей и трудностей, буден и праздников, как неотделима от него вся жизнь девочек с самого рождения.

Иные поняли свою задачу просто: мечтать так уж мечтать безудержу, без оглядки, игнорируя годы и расстояния!

«В купе вагона собралась большая группа молодежи. Это бывшие студенты, а теперь учителя, врачи, агрономы, строители. Среди них и я. Окончен институт, и теперь я учитель литературы. Сбылась моя мечта: я еду учить ребят»,— Ира Орестова живо описывает свой воображаемый приезд в далекий сибирский колхоз, свой первый урок. И хотя на пути свершения этой мечты не только окончание школы, но и институт, мы вместе с Ирой начинаем верить в то, что такой день в ее жизни непременно будет.

«Хочется постоянно быть среди людей, с людьми».

«Мечтаю строить светлые, красивые дома для замечательных советских людей».

«Я люблю астрономию. Поступлю ли я на астрономическое отделение механико-математического факультета Московского университета, я не знаю. Но помечтать можно»,— решает Елена Явич и уверенно рисует картину первого межпланетного путешествия на Марс, которое «должно состояться в 1959 году» в нашей стране, ибо «первые люди, которые вступят на марсианскую землю, будут именно советские люди». Елена Явич — первый астроном, который полетит на Марс. Она очень благородна и щедра в своих мечтах, она захватывает с собой двух школьных подруг, двух Галь — хирурга Галю Строеву и инженера-конструктора по строительству межпланетных ракетных кораблей Галю Левченко. Этой последней автор сочинения даже доверяет вождение первого межпланетного корабля.

«Я очень хочу, чтобы эта мечта воплотилась в жизнь. И это будет! Потому что русский народ, советская наука может сделать все. Важно только одно: любить народ и Родину, служить им сердцем и душой. Тогда можно достичь всего» — так заключает свое сочинение Елена Явич.

Светлана Чеботарева и Вера Миронова совершают в своих сочинениях удивительные путешествия: первая — «по нашему коммунистическому Союзу», вторая — в «экспрессе мира», по маршруту Москва — Китай». Они видят на пути много чудес, и им невольно начинаешь верить, когда читаешь честные строки: «Я не знаю, в какой области буду работать. В нашей стране все профессии хороши. Может быть, буду трудиться в области истории или географии, может быть, буду выводить новые сорта фруктов и овощей, может быть, возводить здания или лечить людей, бороться за уменьшение смертности, чтобы каждый человек жил не меньше, чем 100 лет, или же буду учить детей, а может быть, буду инженером, но я знаю, что этот труд будет честный труд человека на пользу нашей Родины, родины Пушкина и Гоголя, Горького и Маяковского, родины героев-краснодонцев, родины Ленина и Сталина».

Многие девочки еще не решили трудной задачи выбора профессии, и это так понятно и естественно.

«Я не знаю, кем буду после окончания школы, в какой институт пойду, но не потому, что у меня нет своего основного «стержня» в жизни, а потому, что я очень много интересного видела за свою небольшую жизнь и трудно решить, что мне больше всего нравится»,— пишет отличница Валентина Караваева, секретарь комсомольской организации школы, и рассказывает о всех своих увлечениях, через которые она прошла. Сначала это была астрономия (когда-то В. Караваева писала сочинение на тему «Марс и жизнь на нем», и оно заканчивалось так: «Недалеко то время, когда первый космический корабль оторвется от Земли и полетит в мировое пространство. Он будет называться «СССР-1»), потом туризм (это увлечение привело девочку на Каховскую ГЭС, где она и поработала во время школьных каникул на строительстве рабочего поселка), и в этой связи — геология, биология, астроботаника, а позднее авиация, авиаконструирование. В то же время Валентина Караваева честно признается, что не представляет себе жизни без изучения истории и литературы, что ей ясно одно: «Хочется постоянно быть среди людей, с людьми». В таком случае она задумывается о профессии педагога, комсомольского или партийного работника, воспитателя молодежи. Она мечтает о путешествиях по Советскому Союзу и по странам народной демократии.

Это все могло бы показаться разбрасываньем, если бы за мечтами девушки не стояло глубокое понимание того, зачем и как должен жить советский молодой человек, если бы за раздумьями Валентины не ощущалась твердая воля и завидная ясность перспективы. «Мы должны стать людьми, для которых цель жизни — стремление принести как можно больше пользы своей стране, приблизить наше прекрасное коммунистическое завтра. Я уверена, что все мои товарищи много времени проживут в коммунистическом обществе, но очень хочется увидеть коммунистическую Болгарию, Чехословакию, Польшу, Румынию, Албанию. Этому мы тоже поможем своим трудом».

Чудесное чувство ответственности советского человека перед воспитавшей его Родиной, а теперь уже не только перед Родиной, но и перед всем миром заставляет верить: найдут свое место в строю советских людей и те девочки, которым еще неясно их личное будущее. Решит вопрос этот и Аля Ткач, которая свою личную мечту о достойном месте в советском обществе неразрывно связывает с огромной мечтой о мире на земле всего трудового человечества; и Наташа Гельман, которая с улыбкой вспоминает свои, не такие уж давние, детские мечты «построить город на Северном полюсе» и уже совершенно серьезно задумывается о том, сколько специалистов потребуется на строительстве Дворца Советов, который должен сооружаться «в десяти минутах ходьбы от нашей школы».

Конечно, найдет свое «самое лучшее» и Марина Ершова, которая, думая о будущем, мечтает когда-нибудь заслужить право сказать о себе словами Владимира Маяковского:

Я себя
советским чувствую
заводом,
вырабатывающим
счастье.

Найдет, ибо серьезно думает о будущем: «У меня нет никакого особого природного таланта. Но я твердо уверена, что если человек очень полюбит свою работу, если он будет отдавать все силы и возможности избранному делу, то он может достичь высокого совершенства в своей работе».

Люся Головнина решит без ошибки, кем же ей больше хочется стать: архитектором ли — для того, чтобы снести с лица земли все старое и уродливое и заменить его новым и прекрасным, музыкантом ли, дирижером — «для того, чтобы передать людям то, что перечувствовала ты». Сможет осуществить свою мечту — уехать в сибирскую тайгу — и Ирма Быкова, сможет, кем бы она ни стала, артисткой ли, педагогом ли. Совершенно права и Нина Алферова: «Главная мечта у всех советских людей — это мечта о коммунизме. Каждый представляет коммунизм по-своему. Я больше всего люблю музыку, поэтому в первую очередь думаю о том, какое большое место будут занимать музыка и поэзия в жизни людей будущего». Исполнится ее мечта о том, чтобы человек мог сочетать техническое образование с художественным.

Остановится на чем-нибудь одном и Галя Левченко, наша старая знакомая по сочинению Елены Явич, которая сегодня на наших глазах взволнованно и требовательно перебирает ряд профессий, находя в каждой из них все новые и новые возможности сделать жизнь человека краше, счастливее.

«Не думайте, пожалуйста, что у нас сейчас скучная, серая жизнь. У нас и сейчас хорошая жизнь, но можно сделать лучше, и мы сделаем жизнь еще лучше, еще краше!» — восклицает Галя Левченко в последних строчках своего сочинения.

Девочки, девочки, как прекрасна ваша любовь к жизни, к Родине, к родному народу! Пусть эта любовь поможет вам найти свое место, свою дорожку, свое призвание, свое «самое лучшее».

А как интересны мечты тех, кто уже нашел «свое в жизни», кто твердо знает, какому труду посвятить жизнь! Разнообразны и сознательны их устремления.

Героини сочинения Наташи Белоусовой, две школьницы, гуляющие по Москве на заре, после выпускного вечера, ведут между собой жаркий спор о том, какая профессия лучше: педагога или архитектора,— но Мария Богданова решила для себя этот вопрос. «Я хочу стать архитектором,— пишет она.— Хочу строить светлые, красивые дома для замечательных советских людей». И, устремляясь мечтой лет на 15—20 вперед, она видит себя в составе группы архитекторов, которой поручена разработка проекта, а потом и самое строительство «нового коммунистического города в Сибири».

«Каждый день, каждый час знать, что еще один человек возвращен к жизни, еще одной

«Я твердо решила — буду геологом».

«Я поеду учить ребят в далеком сибирском колхозе».

«Для меня мое будущее ясно. Я знаю, что буду счастлива».

матери возвратили ребенка,— разве не стоит этому посвятить жизнь?» «Я верю, что наступит время, когда человек забудет о болезнях. Как хорошо будет тогда жить на земле!» Гуманная профессия врача — она избрана несколькими девочками.

Инга Поздняк твердо решила: «Буду геологом». Ее не смущают трудности, связанные с этой профессией, ибо преодоление трудностей в достижении поставленной цели «и есть самое интересное в каждой работе».

«Больше, чем что-либо другое, меня интересует физика, и я, наверно, стану инженером»,— пишет Галина Бельгова. Она хочет строить машины, «особенные машины, машины-автоматы», которые заменят человека в тяжелом труде, освободят его время и творческую мысль для новых открытий.

Изобрести «чудодейственное средство против рака», либо «замечательное средство против тех бактерий, которые сейчас бесчестно и безжалостно применяют «цивилизованные» американцы в Корее», либо отыскать, наконец, какой-нибудь «витамин жизни» — препарат, продлевающий жизнь человека до 100 лет, — вот мечта Лены Лимановой, решившей заняться биологией.

Валентина Карасева увлекается экономической географией, мечтает изучать экономику разных стран мира, и, может быть, для этого стоит стать переводчиком? А Марина Соболева уже решила: «Пойду в Институт востоковедения изучать китайский язык, чтобы своим трудом помочь делу укрепления дружбы Китая и Советского Союза».

Иные девочки уже умеют глубоко проникнуть в существо избранной профессии. Наташа Захава, поняв, что ее призвание — театр, объясняет это цитатой из пьесы, которую сама сочинила: «Ты спрашиваешь, почему я хочу быть актрисой?.. Мне хочется отразить жизнь через себя, показать, как она может быть плоха и как прекрасна... Мне хочется показать людям, какими надо и какими не надо быть».

«Учитель!.. В нашей стране, где учится каждый ребенок, учитель — это первый человек. Будущее наших детей, нашего народа — в руках учителя, в его золотом сердце», — цитирует А. Фадеева десятиклассница Людмила Жукова, избравшая профессию учителя. «Не представляю жизни без школы, без ребят, без школьных звонков и шумных перемен», — размышляет она.

А другая будущая учительница, Анна Масс, уже понимает природу труда педагога: «Из всех перечисленных мной профессий профессия педагога интересует меня больше всего. Какое счастье — передать людям любовь к тому, что любишь сама! А я испытала однажды такую радость: я встретила девочку, которая заявила, что она не любит Маяковского. Маяковский — мой любимый поэт, и меня очень задевает, когда слышу о нем такие слова. Я собрала все свои знания о Маяковском и его эпохе и рассказала девочке, а потом дала ей те стихи, которые помогли мне самой понять и полюбить поэта. Какова же была моя радость, когда позже я услышала, как эта девочка говорит кому-то: «Я и сама раньше Маяковского не любила, а теперь...»

Выросли девочки, выросли на хорошей земле, для большой жизни, для большого счастья. Родина воспитала их сильными, смелыми, гордыми, умеющими мечтать и многого добиваться. И высочайшая награда воспитателям — строки, написанные Наташей Севериной, дочерью советского воина, погибшего в бою с фашистами: «Я только потому и чувствую себя такой сильной и такой счастливой, что я вместе с моим народом. Да, «я счастлив, что я этой силы частица!» — хочется мне крикнуть словами Маяковского. Моя мечта — это мечта всей советской молодежи, мечта — стать в ряды строителей коммунизма, стать полезной Родине, отблагодарить ее за все заботы о моем детстве, о моем счастье».

Выросли девочки, выросли хорошими людьми, понимая, что такое труд человека, не изыскивая легких путей, не боясь испытаний. Комсорг класса Марина Резниченко пишет о том, что еще в детстве она мечтала стать председателем колхоза, ибо эта работа представлялась ей «одним из самых трудных и в то же время одним из самых благодарных участков работы по созданию нашего будущего». «Мне кажется, — пишет Марина, — что в наше время потеряла свой смысл пословица «Хорошо там, где нас нет». Все чаще людям хочется вмешаться самим, броситься туда, где труднее всего. Чаще слышишь замечания: «Эх, меня там не было!» «Для меня мое будущее ясно, — заключает Резниченко. — Я знаю, что буду счастлива, но есть люди, которые хотят помешать моему счастью».

Об этих, с позволения сказать, «людях», об этих врагах человеческого счастья часто вспоминают девочки. Не стерлось из их памяти и военное детство, те черные годы, которые нельзя забыть, да и не к чему забывать, пока существует на земле угроза новой войны.

«Я хочу, чтобы росли наши села и города, цвели наши сады и шумели безбрежные нивы. Я хочу, чтобы дети моей Отчизны не видели грозных боев и пожарищ, которые видели мы в суровом 41-м году!» — восклицает Галина Прокофьева.

«Я самый обыкновенный человек, но мне кажется, будь я на месте Раймонды Дьен, Зои Космодемьянской, Ули Громовой, я сделала бы то же, что и они. Я не знаю, хватило ли бы мне мужества и воли, но если бы ценой моей жизни можно было бы купить мир, я бы отдала жизнь»,— признается Марина Резниченко.

Выросли девочки, выросли труженики и творцы коммунизма, солдаты мира, верные дети своей могучей и миролюбивой матери-Родины. Бьют кремлевские куранты, возвещая приход Нового года, года, в котором начинать девочкам новую большую жизнь, выходить на новые, широкие дороги. Пусть же сбудутся все их чудесные мечты, и те, которыми они так горячо и честно поделились, и те, о которых не пишут обычно в классных сочинениях, но которые живут в душе и озаряют жизнь — мечты о большой дружбе, о большой любви, о встрече с самым дорогим человеком твоей судьбы.

С Новым годом, девочки!

Встреча

Анатолий **КУДРЕЙКО**

Полночь... Снега пелена...
Год-старик и год-малютка...
Что-то в наши времена
Устарела эта шутка!

Дело так у нас идет,
Что, хоть старый год не
прожит,
Очень многим Новый год
Похвалиться смело может:

Нефть глубокую достал,
Свет зажег он над плотиной,
Прокатал в валках металл,
Хлеб укрыл снегов холстиной...

Со смеющимся лицом,
Только пробило двенадцать,
Вот в дверях он молодцом,
Даже лыжи серебрятся!

— С новым счастьем я
пришел!
И страна, семья большая,
Год за свой сажает стол,
Выпить чарку приглашая.

Важа Гигиберия с сестрой Этери вышли из своего дома и направляются на работу.
Фото С. Короткова

ТАГАНРОГ, ЗАВОД ИМЕНИ АНДРЕЕВА,
МАРТЕНОВСКИЙ ЦЕХ,
БРАТЬЯМ ПЕТРЕНКО:
МАСТЕРУ ФЕДОРУ АНДРЕЕВИЧУ,
СТАЛЕВАРУ ГРИГОРИЮ
АНДРЕЕВИЧУ

Дорогие мои учителя, Федор и Григорий!

Помните Важа Гигиберия, который учился у вас варить сталь? Я приехал в Таганрог прямо из деревни, восемнадцатилетним пареньком. Никогда не видел большого города, не был на металлургическом заводе. Немало пришлось вам повозиться со мной, пока я привык к новой обстановке. Грузина жарой не удивишь, но тогда мне казалось, что в мартеновскую печь свалился кусочек солнца.

Учеба у вас пошла мне впрок, и весной 1950 года я был уже на новом металлургическом заводе, в городе Рустави, участвовал в выплавке первой грузинской стали.

Особенно богат событиями был в моей жизни минувший 1952 год.

Наш металлургический завод назвали именем великого Сталина. Выплавка стали по сравнению с позапрошлым годом возросла в несколько раз. Я научился выпускать скоростные плавки и выдал сверх плана 300 тонн стали. Выдал бы и больше, но меня среди года назначили мастером печного пролета. Жму вам руку, дорогой учитель, Федор Андреевич!

В этом году я стал членом Коммунистической партии Советского Союза, поступил учиться в школу мастеров, впервые самостоятельно прочел русскую книгу «Сталь и шлак» В. Попова. У меня родился первенец — сын Автандил. В новом доме, на Центральном проспекте, я получил квартиру. Из деревни ко мне приехала младшая сестренка, Этери, и поступила ученицей оператора в один из соседних цехов.

У вас на заводе, наверное, можно встретить не только братьев, работающих вместе, но и отца с сыном, а то и деда с внуком. Еще бы, Таганрогский завод — одно из старейших металлургических предприятий в стране! У нас, в Рустави, редко увидите на улицах старика. Рустави — город молодых. У нас нет пока еще семей потомственных металлургов. Но они будут, обязательно будут.

Поздравляю вас, дорогие учителя, с наступающим Новым годом, желаю вам здоровья, счастья в жизни! От всей души буду радоваться вашим успехам в труде. Хотя... вы сами это понимаете, мне очень хочется, чтобы руставцы вышли победителями в соревновании с вами.

Ваш ученик
мастер мартеновского печного пролета
металлургического завода
имени И. В. Сталина —
Важа Капитонович ГИГИБЕРИЯ

Н. Д. Кузнецов. МОСКВА. ТРЕТИЙ КИЛОМЕТР.

Выставка художников РСФСР. 1952 год.

Н. Н. Данилин. ПОДШУТИЛИ.

Выставка художников РСФСР. 1952 год.

В УСТЬЕ КАМЕННЫХ ГОР

Е. РЯБЧИКОВ **Фото А. ГОСТЕВА**

Специальные корреспонденты «Огонька»

Цимлянское море — Иртыш

Еще из окна вагона Михаил Давыдович Носик увидел старого товарища. Одетый совсем по-зимнему, Смирнов стоял на перроне. Заметив Носика, Георгий Фирсович побежал к вагону и поднялся в тамбур.

— Привет волгодонцу! — Смирнов радушно обнял гостя. — Поздравляю тебя, Михаил Давыдович, с орденом за Волго-Дон, поздравляю с приездом.

Впервые судьба свела Смирнова с Носиком, знаменитым мастером монтажа и пуска гидротурбин, в пору войны, на восстановлении Волховской гидроэлектрической станции. Носик приехал тогда на берега Волхова из Ленинграда, с Металлического завода имени И. В. Сталина, — там он был простым рабочим, без отрыва от работы окончил втуз, стал мастером, а затем и заведующим бюро технических разработок гидротурбинного производства.

Смирнов, сын устюжинского плотника и сам в прошлом плотник, строил Свирскую ГЭС. В суровые годы войны он часто переезжал с Носиком с одного строительства на другое. И вот вновь сошлись их пути, на этот раз далеко в Сибири, в горах Алтая.

Смирнов заботливо усадил товарища в «Победу» и сразу заговорил о сроках пуска турбин Усть-Каменогорской ГЭС.

— Времени на монтаж осталось мало,— заключил Смирнов.— Чтобы в срок пустить машины, нужно использовать днепровский опыт, помноженный на волгодонской.

За стеклами машины мелькали каменные здания, трубы, телеграфные столбы, виадуки железной дороги, опушенные снегом сады. «Победа» промчалась по мосту над дымившейся паром Ульбой.

За чертой города шоссе будто вонзалось в утесы и скалы. Каменные кручи образовали здесь узкое и глубокое ущелье, на дне которого кипел свинцово-темный Иртыш.

— Могучая река!..— в голосе Смирнова прозвучало восхищение. — До середины зимы не замерзает: даже сорокаградусные морозы сразу не могут сковать.— Помолчав, он заметил: — Природа будто специально создала здесь все для строительства гидростанций. Но строить сложно, трудно. Ох, трудно!

Сквозь завесу падавшего снега виднелся противоположный берег, обрывистый и мрачный. Там на головокружительной высоте три паровоза, заливая ущелье черным дымом, тянули небольшой железнодорожный состав. Над Иртышом стлался холодный туман. Сначала он казался белым, потом фиолетовым и вдруг потемнел: высокая зубчатая гора заслонила солнце, и днем в ущелье наступили сумерки.

Переезжая с Цимлянской ГЭС на Алтай, Михаил Давыдович еще в Москве познакомился с проектом Усть-Каменогорской ГЭС. Теперь, всматриваясь в пенистый горный поток, он вспоминал описание природных условий стройки и думал об использовании могучей силы воды. Десятки бурных и многоводных рек пересекают край несметных сокровищ — Алтай. Через его горы и степи несет свои воды Иртыш, пятая по величине река Сибири, крупнейший приток Оби: общая длина его — 4 451 километр. Срываясь со скалистых вершин в горах, за пределами Советского Союза, Иртыш до впадения в обширное высокогорное озеро Зайсан носит название Черного Иртыша, а ниже Зайсана — Белого, или Тихого, Иртыша.

Тихий, или Белый, Иртыш по выходе из Зайсана катит свои быстрые горные воды по степной равнине. Потом прорезает хребет Восточной Калбы и узкую долину среди скалистых уступов. Крутые обрывы отвесно падают к реке. Выступающие скалы называются здесь «быками», самые опасные из них — «Семь братьев».

За Бухтармой Иртыш прорубает горные массивы и, пенясь, с ревом и гулом течет в узком и диком ущелье. Скорость его тут огромна. На участке от Зайсана до Усть-Каменогорска, на расстоянии всего в 432 километра, «падение» реки — разница в уровнях — составляет более 100 метров, в то время как на всем протяжении Волги в 3 700 километров падение немногим лишь превышает 200 метров. Низвергаясь с больших высот, река развивает колоссальную энергию. Если ее превратить в энергию электрическую, то оживут степные долины и горы Алтая, преобразятся просторы Восточного Казахстана.

...За поворотом дороги взору инженеров открылась панорама живописно расположенного по склону горы поселка. Среди коттеджей выделялись окрашенные в розовый цвет большие здания школы и клуба. Смирнов показал на серую островерхую гору, нависшую над Иртышом:

— Аблакетка. Вон та маленькая речушка — тоже Аблакетка. Аблакеткой назван и городок строителей. Ходит легенда, будто когда-то, очень давно, стоял со своим станом на берегу этой речки злой бай Аблай. Он притеснял народ, и когда ушел (по-казахски — кетты), то речку и гору назвали «Аблай-кетты» — «Аблай ушел». Со временем родилось новое слово — «Аблакетка». Так говорят люди. Ну, а как мы будем решать: кетты домой или кетты на стройку?

— На стройку! Только чемодан попрошу отвезти на квартиру.

Казахский Днепрогэс

Набережная Аблакетки, описав плавный полукруг, вывела «Победу» к массивным башням автоматического бетонного завода. Навстречу плыли стальные мачты высоковольтных электрических передач, движущиеся стрелы шагающих экскаваторов, густые, ревущие потоки «Мазов»; заливистый гул моторов сотрясал воздух.

Белесый туман, застилавший ущелье, медленно поднимался, разгоняемый ветром. Зимнее солнце, холодное, но нестерпимо яркое, высветило картину исполинской стройки в горах. Серый бетон сливался со скалами и, как бы продолжая материковую твердь, рассекал Иртыш поразительно высокой плотиной. Над ней двигались портальные краны, подчеркивая стремительность взлета всей стройки к небу. Глубокий шлюз разрезал исполинскую стену, за которой чудились просторы пока еще не созданного, но уже рождавшегося в горах «Иртышского моря».

В горах Алтая, за тысячи километров от Волго-Дона, Михаил Давыдович очутился в привычной для него обстановке. Ему показалось, будто и не уезжал он с Цимлянского гидроузла. Монтируя на Дону гидротурбины, Носик, конечно, знал о большом строительстве на Иртыше, но не представлял себе, что оно так грандиозно и что оно, как и Волго-Дон, оснащено самой передовой техникой

— Сибирский, или, как говорят здесь, Казахский Днепрострой, — сказал Смирнов, останавливая машину.

— Да, станция похожа на Днепровскую, — согласился Носик. — Красивая станция!

Над ущельем пролетел самолет. Смирнов проводил его взглядом и сказал:

— На Бухтарму спешит. Это еще выше по Иртышу. В директивах XIX съезда партии сказано о Бухтарме, как и о нашей Усть-Каменогорской ГЭС. Иртыш будет электрическим.

— Вот какие дела творятся! — Носик из-под ладони смотрел на врезанную в горы плотину. — Работаешь, работаешь и как-то не замечаешь даже, что мы теперь чуть ли не по конвейеру пускаем станции. Электрификация идет в гигантских масштабах. Только пустили Цимлянскую ГЭС, — пора пускать другую. Да где! Можно сказать, «на краю земли». А за Усть-Каменогорской стоят на очереди следующие станции.

— Поедем! — Смирнов посмотрел на часы. — Нас ждут.

Иртышская новь

Волго-Дон был важным этапом в жизни Советской страны, как в свое время Волхов и Днепрострой. Но Волго-Дон не «потолок» советской техники: и днепростроевцы и волгодонцы еще будут кое-чему учиться у строителей электростанции на Иртыше, ибо новое растет всюду. Используя опыт волгодонцев, на Иртыше в рекордный срок возвели мощные сооружения.

Главный инженер стройки Андрей Владимирович Бакулин снял запотевшие очки и, протирая их, радостно посматривал на Михаила Давыдовича Носика. Он познакомился с ним еще на Волго-Доне.

— Работаем мы в отдалении, — говорил Бакулин, — но строим на уровне современной советской техники.

Носик дружески сказал:

— Я горжусь, что был днепростроевцем! Горжусь, что был волгодонцем! Теперь буду говорить с радостью: я иртышстроевец.

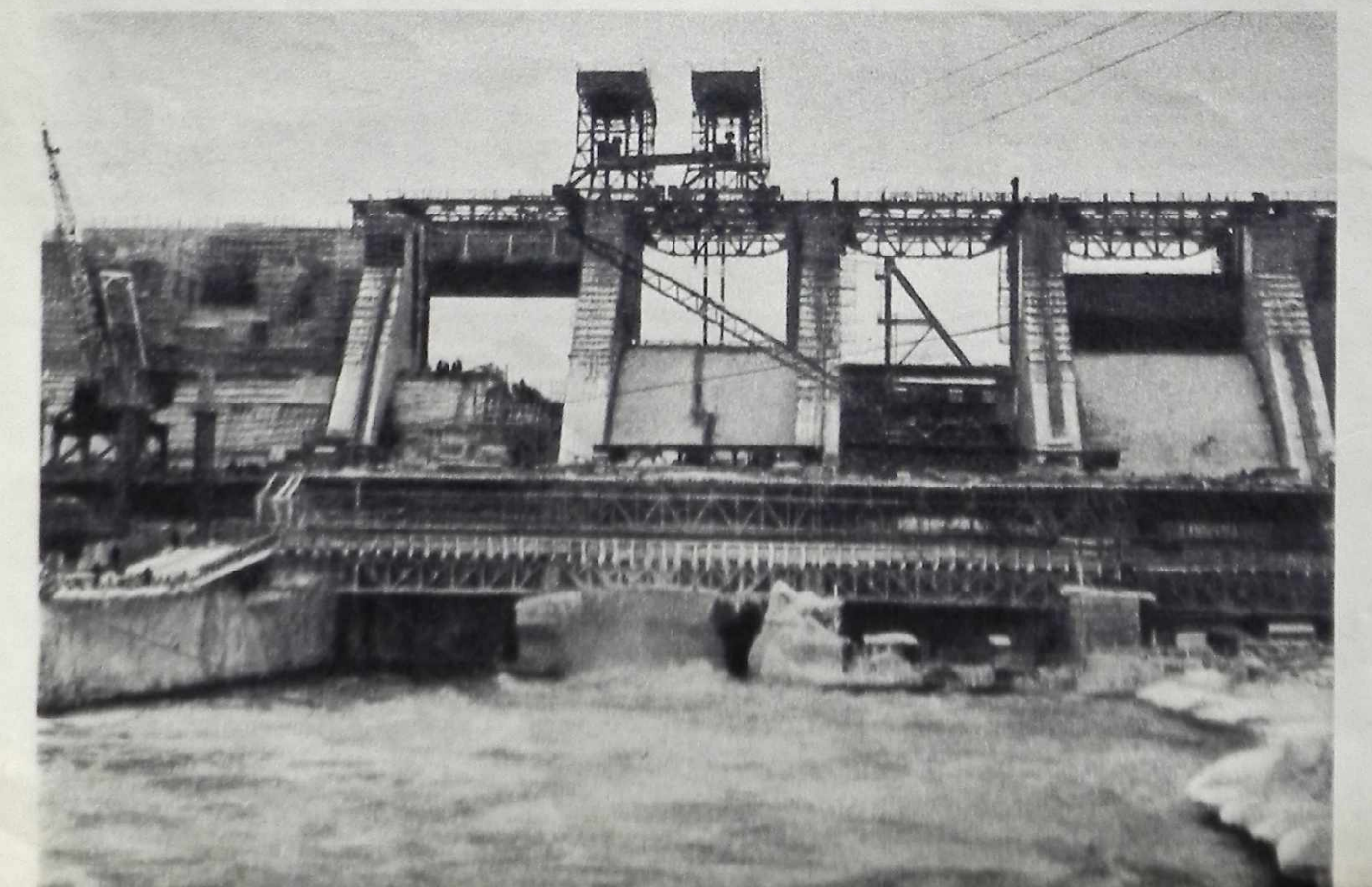
Только очутившись на стройке, опытный инженер сразу оценил все сделанное здесь и чувствовал гордость за товарищей, решивших сложнейшие технические задачи.

Чтобы заставить любую реку вращать стальные лопасти турбины, нужно перегородить ее плотиной и создать искусственный водопад, или, как выражаются гидротехники, сосредоточить в одном месте падение воды. Высота такого водопада называется напором.

На Иртыше достаточно было поставить высокую плотину, чтобы получить чрезвычайно мощный напор воды. Но как возвести в ущелье, среди бурлящего горного потока, бетонную плотину?

Гидротехника знает различные способы покорения водной стихии. Когда прокладывался Беломорско-Балтийский канал имени И. В. Сталина, его сооружения воздвигались в стороне от рек — на «сухом месте», — а потом к ним подвели воду. На Волго-Доне использовали другой метод: там

В морозные дни и ночи шагающие экскаваторы выбирали грунт из Иртыша, расширяя русло реки.

Иртыш пошел через плотину.

реку не «беспокоили» до тех пор, пока возводили Цимлянскую бетонную плотину. Когда была готова нижняя ее часть, Дон перекрыли каменным банкетом, а воды его пропустили по новому руслу — через отверстия в плотине.

В том и другом случае строители имели в своем распоряжении в стороне от водной магистрали обширные площади, на которых можно было сооружать плотины и шлюзы.

На берегах Иртыша, стиснутого с обеих сторон горами, нет даже клочка земли, на котором можно было бы сооружать в стороне от реки плотину и шлюз. Как же удалось покорить Иртыш?

От левого берега полукругом до половины русла возвели мощную перемычку. Образовалось озеро. Из него откачали воду, и в котловане построили бетонную плотину, пропустив затем через нее Иртыш. Другой перемычкой отгородили вторую половину русла. И там создалось новое озеро. Его осушили и построили плотину, здание ГЭС и шлюз.

Возводить перемычки, а затем плотину было очень трудно: на дне реки лежал огромный слой так называемого аллювия — смеси мелкого гравия и песка, принесенных Иртышом. Аллювий пропускает воду. Через смесь камней и песка может проникнуть «второе течение», способное разрушить перемычку, а с ней и всю плотину. Тогда решено было использовать на стройке... мороз.

Вокруг труб создали сплошную стену замороженного грунта. Особые «фабрики холода» — холодильные установки — зимой и летом непрерывно промораживали перемычки. Чтобы они могли выдержать могучий напор Иртыша, приходилось их не только замораживать, но еще дополнительно и цементировать. Так между скалами появилась мощная стена, сдерживавшая любой натиск реки.

Одновременно создавалась другая, невидимая, «подземная плотина». Секрет ее прост: скальные породы, на которых стоит теперь плотина, при поверхностном осмотре кажутся непроницаемыми для воды. Но в них имеется множество больших и малых трещин. Воды «Иртышского моря» всей своей гигантской массой могут ворваться в трещины и расширить их. Легко представить, какие это вызовет разрушения. Нужно было наглухо «закрыть» скалы, зацементировать в них все трещины, превратить в единый монолит плотину и ее каменное основание.

Строители решили и эту сложную техническую проблему. Рабочие пробурили на дне будущей плотины в общей сложности 100 тысяч метров скважин различной глубины. В скважины нагнетался и впрессовывался цементный раствор. Застывая, он навечно скреплял их. Так была создана «подземная плотина» — каменное основание, которому не страшен теперь напор вод «Иртышского моря».

«Иртышское море» улучшит судоходство на стремительной реке до озера Зайсан, будет питать водой колхозные поля и пастбища.

Водопад вращает турбины

Стоял лютый мороз и дуло в ущелье, когда с Четвертой Всесоюзной конференции сторонников мира вернулся Жанадил Керимбаев.

Над Иртышом сгущался туман. Белесая мгла окутывала строительную площадку. Но и в этом тумане сразу угадывались большие изменения, происшедшие здесь за короткий срок отсутствия Керимбаева. Очертания плотины, здания ГЭС, шлюза приобрели ту законченность форм, какая рисовалась когда-то воображению проектировщиков.

Керимбаеву вспомнился день 24 февраля 1948 года, когда он в десять часов утра принял первую бадью с бетоном и уложил ее в плотину. То был первый кубометр — начало работ...

Около машинного зала Жанадил встретил монтажника Тохтара Слямова. Они обрадовались встрече.

Слямов обнял Керимбаева:

— Казахский Днепрогэс ток скоро даст.

Уже не гремели на стыках вереницы бетоновозных поездов, не ударяли молотками по опалубке плотники, не сваривали арматурный металл электросварщики.

В эти дни перед мысленным взором каждого строителя вставал его путь к берегам Иртыша, в устье Каменных гор. Предался воспоминаниям и словоохотливый плотник Яков Хлапцев, человек богатырской силы. Он вспомнил боевые походы, свои шестнадцать ранений и возвращение на Алтай.

Тогда, вернувшись домой, офицер снял фронтовую шинель, надел ватник и взял в руки плотницкий топор. Он ставил дома для колхоза, а когда услыхал про строительство Усть-Каменогорской ГЭС, то с отцом и братом, тоже отменными плотниками, по путевке колхоза отправился в далекий путь по Иртышу. Хлапцевы из сруба приготовили плот, погрузили на него вещи, посадили три семьи и поплыли на этом утлом суденышке от Бухтармы к Усть-Каменогорску.

— Помнишь, Иван Дмитриевич, — обратился Яков Хлапцев к начальнику левобережного участка Гончарову, — спросил ты меня в первый день, как офицер офицера: «Что будешь, вояка, делать?» А теперь я тебя, наш дорогой начальник, спрошу: «Поедем мы с тобой на Бухтарму?»

— Люблю строить! — мечтательно ответил Гончаров. — Поедем, Яков Федорович, много на Иртыше дел.

Стройка продолжалась и в сорокаградусные морозы...

...И вот наступит миг, когда могучий искусственный водопад, хлынув с огромной высоты бетонной плотины, ударит с силой по стальным лопастям турбины, и она, набирая скорость, придет в движение. В эти студеные, многоснежные дни, когда голубовато-белый лед сковал отвесные горы и непокорную реку, кипучая энергия «Иртышского моря» превратится в энергию электрическую.

Знатные мастера опалубочных работ (слева направо): плотники Яков Федорович, Федор Васильевич, Николай Федорович Хлапцевы.

Школа в Аблакетке.

ВОЛЯ НАРОДОВ К МИРУ НЕПОКОЛЕБИМА

Недавно в Вене завершил свою работу Конгресс народов в защиту мира.

Народы 85 стран, пославшие на Конгресс своих делегатов, с надеждой и волнением следили за развернувшейся там свободной и широкой дискуссией, цель которой заключалась в том, чтобы отстоять и обеспечить мир. Конгресс обсудил вопросы, связанные с национальной независимостью и безопасностью народов, прекращением ведущихся в настоящее время войн, ослаблением международного напряжения.

Представители различных слоев населения, различных политических, экономических и религиозных взглядов и направлений сумели найти на Конгрессе общий язык и единодушно принять важнейшие решения. Это оказалось возможным потому, что, как говорится в Воззвании Конгресса, все делегаты «...стремятся к согласию между народами и хотят вести совместную борьбу, чтобы не допустить войны и обеспечить мир».

Миллионы людей доброй воли, вчитываясь в текст этого Воззвания, находят в нем ответ на те мысли, чувства и чаяния, которые волнуют их сегодня.

«Довольно разрушать города и страны, довольно накапливать смертоносное оружие, довольно проповедовать ненависть и призывать к войнам! Пора вступить на путь переговоров, пора договориться!» — требовательно звучат слова Воззвания, выражающие волю миролюбивого человечества.

Конгресс народов обратился к правительствам пяти великих держав — США, СССР, Китайской Народной Республики, Великобритании и Франции — с призывом начать переговоры о заключении Пакта Мира.

Вместе с Конгрессом этого требуют 600 миллионов мужчин и женщин, поставивших свои подписи под воззванием о заключении Пакта Мира. Народы ждут ответа от правительств пяти великих держав, напоминают им об ответственности, которая лежит на них.

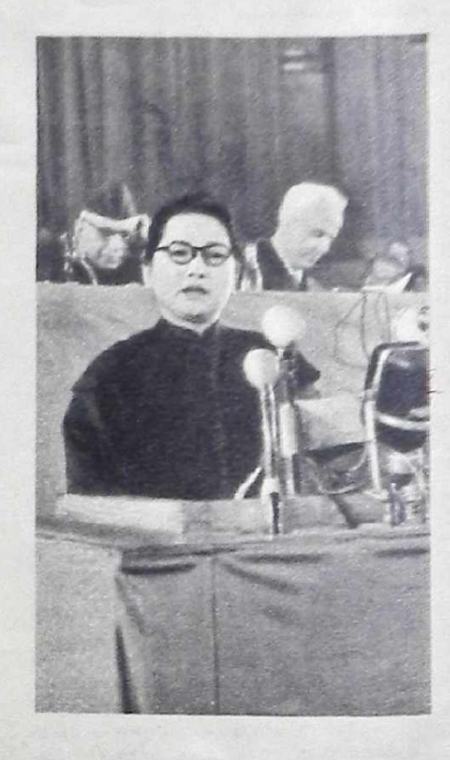
Весь мир с нетерпением ждет разрешения германской и японской проблем. Конгресс народов указал путь к этому, заявив в своем Воззвании: «Мы полагаем, что нужно в кратчайший срок заключить с объединенной демократической Германией мирный договор, исключающий ее участие в любом военном союзе, направленном против какой бы то ни было страны, с Германией, где не будет места нацизму и милитаризму, доставившим в прошлом столько несчастья Европе. Мы предлагаем заключение мирного договора с Японией, который положит конец ее оккупации и позволит японскому народу вернуться в семью миролюбивых наций».

Все прогрессивное человечество поддерживает требование Конгресса о немедленном прекращении всех военных действий в Корее. Это справедливое и гуманное требование, так же, как требование о немедленном прекращении войн, ведущихся во Вьетнаме, Лаосе, Камбодже и Малайе, полностью выражает коренные жизненные интересы народов.

«...Мы категорически требуем, — говорится в Воззвании, — немедленного запрещения бактериологической войны... Мы требуем также безусловного запрещения атомного оружия, химического оружия и других средств истребления гражданского населения».

Право всех народов распоряжаться своей судьбой без какого бы то ни было вмешательства в их внутренние дела, какими бы мотивами это вмешательство ни оправдывалось, строгое уважение национальной независимости всех государств — вот девиз свободолюбивых народов, торжественно провозглашенный Конгрессом.

Советские люди с горячим одобрением встретили решение Конгресса народов. Вместе со всем прогрессивным человечеством они радуются росту сил движения сторонников мира. Конгресс народов в Вене еще раз показал непреклонное стремление людей доброй воли крепить дружбу народов, отстоять мир, преградить дорогу войне!

Выступление на Конгрессе народов известной общественной деятельницы Китайской Народной Республики Сун Цзин-лин.

Участники Конгресса приветствуют корейскую делегатку Кин Ен Сун.

Демонстрация жителей австрийской столицы в честь Конгресса народов в защиту мира.

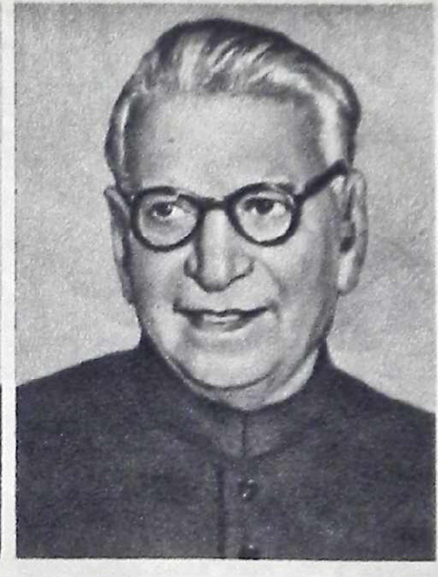
Фото В. Савостьянова (ТАСС)

СЛАВНАЯ ПЛЕЯДА ВЫДАЮЩИХСЯ БОРЦОВ ЗА МИР

ИВ ФАРЖ — общественный деятель, Франция.

САЙФУДДИН КИТЧЛУ — председатель Всеиндийского Совета Мира.

ЭЛИЗА БРАНКО — деятельница Федерации бразильских женщин.

ПОЛЬ РОБСОН — известный певец и общественный деятель, США.

ИОГАННЕС БЕХЕР — поэт, Германская Демократическая Республика.

ДЖЕЙМС ЭНДИКОТТ — священник, магистр искусств, Канада.

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ — писатель.

Завершение работы Конгресса народов в Вене совпало с присуждением международных Сталинских премий «За укрепление мира между народами» новой славной плеяде выдающихся представителей демократических сил различных стран.

Член Комитета по международным Сталинским премиям известный польский ученый и видный государственный и общественный деятель Польши профессор Ян Дембовский сказал корреспонденту журнала «Огонек»:

— Мы, члены Комитета, принимая очередное постановление о присуждении международных Сталинских премий, были уверены, что выражаем своим выбором чувства миллионов людей, которые хорошо знают, любят и уважают этих выдающихся борцов за мир.

Ив Фарж — бессменный руководитель национальной организации французских сторонников мира. В 1952 году Ив Фарж совершил далекое путешествие — в Корею и Китай. Его выступления на народных конгрессах, на собраниях сторонников мира, его статьи и его книга «Свидетельство о Китае и Корее» неопровержимо, языком фактов, разоблачают врагов мира.

У всех свежа в памяти прекрасная речь доктора С. Китчлу на Конгрессе народов в Вене. Заслуги этого видного деятеля национально-освободительного движения Индии и борца за мир увенчаны ныне международной Сталинской премией.

Подвиг Элизы Бранко, обратившейся к бразильским солдатам с призывом не ехать в Корею, вызвал восхищение всех сторонников мира. С высокой трибуны Конгресса она повторила слова, ставшие девизом всех матерей стран Латинской Америки: «Солдаты — сыновья наши не отправятся в Корею!»

В группе новых лауреатов международных Сталинских премий Поль Робсон, знаменитый певец, имя которого звучит сегодня в Америке как символ мужества и бесстрашия.

В числе лауреатов Иоганнес Бехер — известный немецкий поэт, песни которого прославляют труд, помогают в борьбе за единую, демократическую Германию.

Джеймс Эндикотт, священник, магистр искусств,— один из виднейших лидеров движения сторонников мира в Канаде. Все люди доброй воли будут приветствовать присуждение ему высокой награды.

Среди лауреатов международных Сталинских премий мы видим Илью Эренбурга, имя которого хорошо известно и за пределами его великой Родины как имя талантливого писателя, настойчивого и пламенного борца за мир, разящее перо которого не раз изобличало врагов мира.

Комитет сделал правильный выбор. Все эти видные деятели движения сторонников мира достойны высокой награды, носящей имя великого Сталина.

— Встречались ли вы лично с кем-либо из новых лауреатов?

— Да, я встречался со многими из них. Но сейчас я хотел бы рассказать об одной встрече, которая особенно запомнилась,— о встрече с Полем Робсоном. Мы познакомились на первом всемирном Конгрессе сторонников мира в Париже. В его пламенном выступлении звучала большая сила и страсть. Замечательный лингвист, человек высокой культуры и великолепного таланта, Поль Робсон покорял каждого, кто с ним встречался. Слова, дела и песни Робсона, человека, горячо преданного делу мира, поднимают на борьбу за правое дело миллионы американцев.

Закончив свою речь, Робсон начал петь. Он пел о своем угнетенном народе, о его несчастиях и о его надеждах. Он пел о мире. Его глубокий, проникновенный голос — я этого никогда не забуду — воздействовал на самые лучшие чувства человека. С тех пор прошло больше трех лет. Враги мира преследуют и травят Робсона. Но мы знаем: никогда его имя не было окружено таким ореолом славы и мужества, как сегодня. Я помню, после своего выступления Робсон подошел ко мне и спросил: — Как строится Варшава? Как живет новая Польша? Где, в какой области достигнуты особенно большие успехи?

Робсон буквально засыпал меня вопросами. И он требовал на каждый из них обстоятельного ответа.

— Вы с тех пор с ним не встречались?

— Нет. Впрочем, как же, мы все-таки встретились! Это была замечательная встреча. Американские делегаты привезли на Варшавский конгресс пластинки с речью Робсона и с его песнями. И мы снова слышали его голос.

Я только что слушал варшавское радио,— заканчивает профессор Дембовский.— Народ моей страны горячо приветствует лауреатов международных Сталинских премий, он горячо одобряет решения Конгресса вместе со всеми народами земного шара.

НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ

Рассказ

РЫТХЭУ

Рисунки О. Верейского

Такой новогодней елки у нас никогда еще не было! Собственно говоря, у нас раньше никаких елок не бывало. Просто устраивали в школе новогодний вечер, вот и все. С позапрошлого года, с тех пор, как на месте красной яранги построили в нашем поселке клуб, стали проводить этот вечер в клубе. И неплохо он проходил, весело, с играми, с танцами. Но, конечно, без елки. Где ее возьмешь на берегу Чукотского моря?

На юге Чукотки — там, разумеется, Новый год всегда с елкой встречают. Где-нибудь в Марковском районе или на реке Омолон — там старшеклассчики сбегают на лыжах в ближайший лесок, выберут деревцо постройней да погуще... А от нас до «ближайшего» леска, знаете сколько? Тысяча километров, наверно, а то, может, и еще больше! С одной стороны поселка — море, с другой — бескрайняя тундра.

И все-таки в этом году решили и у нас устроить для ребят елку. Это новая учительница затеяла, Валентина Алексеевна.

— Почему, — говорит, — такая несправедливость? Во всем Советском Союзе дети под Новый год вокруг елки пляшут, хороводы ведут, радуются... Это такая хорошая традиция! А чем наши ребята хуже других?

Трудно не улыбнуться, когда она говорит о «наших ребятах»: она ведь сама еще почти ребенок. Ей и двадцати двух еще не исполнилось, а на вид и того меньше. Она и сама, наверно, была бы не прочь попрыгать вокруг елки.

— Нет, Валя, — смеется директор школы Эйнэс. — Наши ребята, конечно, нисколько не хуже других. Мы всегда устраиваем для них праздник в зимние каникулы. И в этом году устроим. И насчет подарков позаботимся. Но...

— Вот в том-то и дело, что «но». А я говорю не вообще насчет праздника, а именно насчет елки. Знаете, Эйнэс, ведь эти детские радости на всю жизнь сердце согревают. Я вот, например, помню одного плюшевого мишку. Его так пристроили, будто он карабкается по стволу. Он мне больше всех кукол, больше всех других игрушек понравился. И именно его мне Дед Мороз подарил. Наверно, он просто заметил, что я с этого мишки глаз не свожу. А я с тех пор поверила, что все мои мечты должны сбыться... Вы не смейтесь!

— Вы забываете, Валя, что это не Горьковская ваша область, а Чукотский полуостров. Сюда и летом-то елки не довезешь: засохнет в пути, осыпется. А сейчас навигации нет. Да никто и летом, конечно, не станет этого делать. Надо же все-таки учитывать местные условия.

— Местными условиями вы меня теперь не испугаете! Это я вначале, осенью, чуточку оробела от непривычной обстановки. А теперь я храбрая стала... Словом, у меня, Эйнэс, есть один план.

— Ох, боюсь я несбыточных планов! На самолете, что ли, вы собираетесь сюда елку доставить?

— За такое неверие я вам ничего заранее рассказывать не буду. Мне только ваше согласие требуется. В принципе директор против елки не возражает?

— Не только не возражает, но даже всячески приветствует.

— Вот и отлично!

И действительно, получилось отлично. Под руководством молодой учительницы школьный сторож Кабицкий и комсомолец Чэйвытэгин несколько вечеров подряд пилили, строгали, сверлили. Делали они это после занятий, запершись в одном из классов. Сначала смастерили ствол, просверлили в нем десятка три сквозных отверстий, установили его посреди класса, на крестовине. В отверстия просунули палки разной длины: наверху коротенькие, внизу подлиннее. Все это еще очень мало походило на дерево, и школьный сторож с явным огорчением поглядывал на плоды своих трудов. Но когда ствол покрасили коричневой краской, а на палки наклеили искусно вырезанную зеленую бумагу, сразу превратившую их в еловые ветви, — тут стало ясно, что затея удалась.

Это было тридцатого декабря. Поздно вечером, тайком от малышей сооружение было перенесено из школы в клуб. Тут уж пришлось поработать Кэлевги — механику колхозной электростанции — и комсомолкам Туар и Кэйнынэ, готовившим елочные украшения. Им помогал старый охотник Мэмыль, приглашенный Валентиной Алексеевной на роль Деда Мороза.

Правда, на эту роль охотно соглашался Кабицкий — единственный во всем поселке обладатель бороды. Но Валентина Алексеевна сказала, что Мэмылю легче будет приклеить белую бороду, чем Кабицкому скрыть свою рыжую. Кроме того школьного сторожа ребята сразу узнали бы: им был хорошо знаком его громкий, раскатистый голос.

Старый Мэмыль вешал разноцветные лампочки и бумажные гирлянды на самые верхние ветки, до которых остальные могли дотянуться только с табурета. Валентина Алексеевна, Туар и Кэйнынэ украшали нижние ветки.

набрасывали на них «снег» из ваты, густо посыпанной крупной солью, раскладывали игрушки на ватном снегу под ветвями. Кэлевги, Кабицкий и Чэйвытэгин возились с электропроводкой. Время от времени Чэйвытэгин выбегал проверить, не подглядывает ли какой-нибудь лазутчик из младших классов. Но малыши крепко спали: шел уже второй час ночи.

Наконец приготовления были завершены. Кэлевги выключил верхний свет и включил разноцветные лампочки. Засветилась красная звезда на верхушке елки, засверкали зелеными, желтыми, синими искрами соляные снежинки. А сама елка ожила, показалась совсем настоящей, будто лишь вчера привезли ее из лесу. Она показалась живой и свежей даже тем, чьими руками была сделана, даже Мэмылю, который сам пожертвовал для нее несколько сухих жердин. Эти жерди оставались у него от старой яранги, разобранной прошлым летом после переселения в новый дом, Мэмыль предназначал их для ремонта сушила для сетей, но вот им нашлось другое прекрасное применение, они зазеленели, как будто очнулись от сна, длившегося десятки лет... А Кабицкому и Валентине Алексеевне, не раз бывавшим в лесу, на секунду даже почудилось лесное дыхание, послышались знакомые с детства запахи смолы и еловой хвои.

— Руку, Степан Андреевич! — закричала Валентина Алексеевна Кабицкому. — Руку, дядя Мэмыль! Туар, Кэлевги, возьмитесь за руки! Все возьмитесь вот так!

И, весело смеясь, она повела вокруг елки первый хоровод.

О, это был необычный хоровод! Если бы в это ночное время кто-нибудь посмотрел снаружи в окно клуба, он очень удивился бы. Хохоча, то хватаясь за руки, то хлопая в ладоши, нестройно, не в лад, но лихо приплясывая, в безудержном, самозабвенном веселье вокруг елки кружилось семь человек: три семиклассника (Туар, Кэйнынэ и Чэйвытэгин), механик Кэлевги, учительница Валентина Алексеевна, рыжебородый сторож Кабицкий и Мэмыль — седой, всеми уважаемый старик, член правления колхоза «Утро». Ни одна новогодняя елка не видела, наверно, такого хоровода!

Утром малыши со всего поселка собрались возле клуба. Никакими силами нельзя было оторвать их от окон и дверей, хотя двери были заперты, окна плотно завешены и до начала праздника оставалось еще много времени. Пришлось гримировать Мэмыля в школе: если б он прошел в клуб незагримированным, ребята потом легко разгадали бы, кто изображает Деда Мороза.

Он появился на улице в сопровождении шумной свиты комсомольцев — нарядный, нарумяненный, с огромными седыми бровями и усами, с седой бородой до пояса, с мешком подарков за спиной. Надевать парик не потребовалось: волосы на голове у Мэмыля такие же белоснежные, как вата, из которой ему смастерили брови, усы и бороду.

Поздравив притихших ребят и развеселив их шутливыми поисками ключей от клуба (оказавшихся каким-то таинственным образом в кармане у самой маленькой первоклассницы), Дед Мороз открыл дверь. Дети тихонько вошли вслед за ним в темный зал. И вдруг сразу зажглись разноцветные лампочки.

Ребята увидели красавицу-елку — новогоднюю елку, про которую раньше только в книжках читали.

— Ну, Валя, — прошептал Эйнэс, — вы... вы просто волшебница, честное слово!

Детский утренник продолжался до сумерек. Ребята разошлись по домам, вволю наигравшись и наплясавшись. Каждый унес с собой подарок Деда Мороза. И, что самое удивительное, каждый получил именно тот подарок, какой ему больше всего нравился. Об этом уж позаботилась Валентина Алексеевна. Как смогла она это сделать, я и сам не вполне понимаю. Совсем как будто невзначай расспросить ребят, так направить их внимание, чтобы ни на одну игрушку не польстились двое, незаметно просигналить Мэмылю о сокровенном желании каждого из маленьких гостей, — не всякий сумеет это проделать!

Но все это уже позади. Дети разошлись, теперь в зале танцует молодежь. А во второй

комнате клуба отдыхают Мэмыль, Валентина Алексеевна, Туар, Кэйнынэ. Девушки так устали, что хотят немного посидеть, прежде чем присоединиться к танцующим.

— Дядя Мэмыль, — спрашивает Валентина Алексеевна, — раньше, в старину... ну, скажем, до революции, встречали тогда на Чукотке Новый год? Был такой обычай?

— Нет, ничего такого не было. Это время у нас вообще на середину месяца приходилось. И назывался он «Ынп-Лувлэн-Юлгын» — «Старого дикого оленя месяц».

— «Старого дикого оленя месяц»... — задумчиво повторяет Валентина Алексеевна. — Какое странное название! А встречать, значит, не полагалось? Ни Новый год, ни рождество или там что-нибудь в этом роде?

— Нет, рождества у нас тоже не полагалось. Чукчи некрещеные ведь. У нас вместо попов шаманы были. А верили чукчи в кэле. Ну, как бы тебе объяснить?.. Кэле — это такие... ну, вроде богов, что ли. Духи такие. А рождество... Хотя, нет, одно рождество я все-таки помню.

Старый Мэмыль поднимает косматые ватные брови — он все еще не снял грима — и повторяет:

— Одно рождество я на всю жизнь запомнил.

— Расскажите. Порядочный Дед Мороз должен рассказывать сказки. Так полагается.

— Это не сказка. Это все на самом деле было. Сейчас расскажу.

Некоторое время он молчит, вспоминая далекое прошлое, потом говорит:

— Это, Туар, я про твоего деда расскажу. Про Памью. Дедушка Памья никогда тебе ничего про себя не рассказывал?

— Нет, дядя Мэмыль, ничего, — говорит черноглазая Туар, придвигаясь поближе к столу.

— Ну, слушай тогда. Давно это было, совсем давно. Мне, наверно, десяти лет еще не минуло. В нашем поселке года за два до того американский скупщик поселился, мистер Карпентер. Домик себе привез, поставил его посреди поселка, лавку открыл.

Летом шхуна приходила, привозила товары Карпентеру. Несколько дней выгружали эти товары, всю лавку заполнили. Да еще какие-то ящики снаружи сложили. Так они и стояли возле лавки, брезентом накрытые.

А в трюм этой шхуны грузили все то, что Карпентер за зиму у охотников скупал. Медвежьи шкуры и нерпичьи, бивни моржовые, китовый ус. Всякую одежду из оленёнковых шкур тоже скупал, обувь из тюленьей кожи, шитые торбаза. В Америке он и его компаньон большие деньги за этот товар получали.

Карпентер ведь чукотский товар по дешевке скупал. Дурной водой торговал, патронами, мукой, табаком. И за все это вдесятеро брал против настоящей цены. Весь поселок долгами опутал. А как его проверишь? Тогда ведь грамотных у нас не было. Не то что в нашем поселке — по всему побережью ни один чукча грамоты не знал. По пальцам считали. Вот Карпентер и пользовался, грабил людей.

В тот год плохая зима была, голодная. До «месяца нового снега» и то мяса не хватило. Это, если по-нынешнему считать, до середины, значит, октября. Голодал народ.

Охотники по целым дням возле разводьев сидели, ждали тюленей. Только редко кому удавалось с добычей придти. Мало в тот год зверя было. Такой мороз стоял, что и зверь не хотел на лед вылезать.

И жира тоже не было. Почти во всех ярангах жир кончился, жирники погасли. Холодно стало, темно.

Карпентеру наше горе — нажива. За мерку муки ему последнее отдают, только бы с голоду не умереть.

Яранга Памьи рядом с нашей стояла. Ох, сильный он был! Самый лучший охотник; от него никакой зверь уйти не мог. Байдарный хозяин хотел его помощником своим сделать, первым стрелком. Только не поладили они. Нэнэк — байдарного хозяина Нэнэком звали — жаловался, что у Памьи характер плохой. А на самом деле у него хороший характер был, добрый. Если какого зверя добудет, всегда с соседями делится. И нас выручал и других соседей.

Но в том году у Памьи тоже скверно дела шли. Он даже упряжку свою собачью продал. Только одну собаку оставил: жалко ему было продавать ее. Многие смеялись над ним. «Самому, — говорили, — есть нечего, а он собаку кормит. На одной все равно далеко не уедешь».

Ну вот, слушайте дальше. Вечером дело было. Приказчик Карпентера обошел все яранги и объявил, что у хозяина праздник. Пускай, значит, все приходят, хозяин будет подарки давать.

Мы с матерью пошли. Там уже много народа собралось. Стояли на морозе, с ноги на ногу переминались, чтобы не замерзнуть.

У Карпентера в домике много свечей горело. Я, помню, на ящики взобрался, чтобы внутрь поглядеть поверх занавески. Там в железной печке уголь пылал, мясо жарилось на большой сковороде.

Вдруг на крыльцо Карпентер вышел. Он сильно пьяный был, не мог сам на ногах держаться. Его Нэнэк и приказчик под руки вели, хотя сами тоже из стороны в сторону кача-

У Кремля

Лев СОРОКИН

Прикрыла ночь просторы снеговые,
Дыханье затаила вся земля.
И Новый год недвижно часовые
Навытяжку встречают у Кремля.

А он спешит, промчавшийся сквозь дали,
К вождю народов
прямо
на прием.
Ему заданье даст товарищ Сталин,
И он пойдет намеченным путем.

...Торжественное, светлое мгновенье —
Наш Новый год выходит из Кремля,
Как молодой строитель с назначеньем,
Которому подвластна вся земля!

лись. Так их и кидало от перил к перилам. Как в качку плохого матроса кидает.

Нэнэк посмотрел на нас и начал речь держать. Карпентер-то сам по-чукотски совсем мало умел говорить. Нэнэк закричал: «Сегодня у нашего торгового человека праздник! Большой праздник у них. В этот день их кэле родился. Самый главный из всех их кэле. Поэтому наш торговый человек очень радуется сегодня. И он...»

Тут Нэнэк сильно качнулся, не устоял на ногах и сел на ступеньки крыльца. И, сидя, продолжал: «Он поэтому хочет, чтобы все мы тоже сегодня радовались».

А Карпентер крикнул: «Кристмес! Кристмес!».

«Кристмес» — это по-ихнему рождество так называется.

Нэнэк попытался встать, не сумел и дальше так сказал: «Этот кэле велит помогать всем бедным. Поэтому наш торговый человек, мистер Карпентер, решил всему поселку сделать подарок. Вот здесь, перед домом, закопано в снегу много пачек печенья, табаку, чаю, много банок разных консервов и даже несколько плиток шоколада». Карпентер что-то шепнул ему, и он добавил: «И даже одна бутылка красной дурной воды тоже закопана. Все это подарки. Каждый может взять себе все, что найдет. Мистер Карпентер даже не будет записывать это в книгу долгов. А теперь можете искать!»

Дети, женщины бросились искать, голыми руками снег разрывать стали. Голодные ведь! А из мужчин некоторые плюнули, выругались и по ярангам разошлись. Но были и взрослые охотники, которые вместе с нами в снегу рылись. Когда дома маленькие дети от голода умирают, тут и гордому приходится иногда забыть про свою гордость.

Трудно было рыть, очень трудно: снег в ту зиму глубокий выпал, а Карпентер нарочно приказал своему приказчику поглубже «подарки» зарыть и покрепче притоптать все сугробы. Я, помню, в первую же минуту ноготь себе содрал. Палец болит, на снегу кровь краснеет, а я зубы сжал и одной рукой дальше рою.

Первым один мальчишка пачку табаку нашел. Какой-то старик, который рядом рылся, стал кричать, что он раньше эту пачку увидел. Драка началась. А Карпентер, Нэнэк и приказчик подошли поближе, чтобы лучше все видеть. Стоят, смотрят, хохочут на весь поселок.

Вдруг Памья подошел к Карпентеру и со всего размаху ударил его. Так ударил, что скупщик сразу упал. А Памья стоит над ним и спрашивает: «Что, смешно тебе теперь? Смешно?»

Но тут Нэнэк и приказчик схватили Памью. Еще несколько помощников у них нашлось. Хотели, значит, выслужиться перед скупщиком и байдарным хозяином. Навалились на Памью все вместе, связали его, потащили в дом. Карпентеру помогли подняться, тоже в дом его повели.

А мы сбегали за лопатами, разрыли снег, разделили все, что нашли. Только никто особой радости от этих находок не чувствовал.

Два дня ничего мы не знали про Памью. На третий день шаман объявил, что Памья наказан за избиение скупщика. «Он теперь никогда не вернется,— шаман говорил.— Его не люди наказали, его сами кэле наказали». И он еще так говорил: «Если кто-нибудь все-таки увидит Памью, пусть прогонит его или сам убежит от него. Пусть помнит, что с Памьей нельзя говорить, нельзя ни в чем помогать ему. Кто поступит иначе, тот разгневает кэле».

Кто-то узнал от приказчика, что сделали с Памьей. И через час об этом знали уже во всех ярангах. Оказывается, вот как дело было.

Карпентер сам побоялся Памью убить. От властей-то он летом откупился бы взяткой, но опасался, что отомстить могут за Памью. Позвал шамана. Шаман тоже решил схитрить. «Пускай,— сказал,— Памью сами кэле судят».

Они положили его на нарты и отвезли в тундру. Там и бросили, связанного по рукам и ногам.

Утром приехали посмотреть. Они думали, что его давно тундровые волки растерзали, а нет, так морозом убило. Ходят, никак не могут его найти. Правда, ночью большой снегопад был, могло занести снегом. Рылись, рылись они в снегу, все сугробы обшарили — нигде нету. Там и Карпентер был, и Нэнэк, и приказчик. Не нашли! Решили, что не на то место приехали. Ночью-то они место как следует не приметили, а тундра всякого может сбить с толку.

Вернулись в поселок. Какая им разница: волки его загрызли или морозом убило? Подождали они еще два дня, и шаман объявил, что Памью кэле забрали.

А на четвертую ночь услышал я вдруг шорох в сенках нашей яранги. Выбрался из полога, чувствую, какая-то собака мне руку лижет. Пригляделся — в сенках Памья стоит со своей собакой. Делает мне знаки, чтобы я молчал.

Сначала я очень испугался: я тогда еще верил немного в этих самых кэле. А Памья мне говорит: «Не бойся меня, Мэмыль. Сбегай к нам, скажи моему отцу, что я его жду здесь. Только сначала посмотри, нет ли в нашей яранге чужих. Может, Карпентер или Нэнэк подослали кого-нибудь, чтобы подстеречь меня».

У меня сразу страх прошел. Провел я Памью в полог, разбудил мать, мы его теплыми шкурами накрыли. Потом я за его отцом сбегал. А когда мы вернулись, Памья спал.

Он у нас в яранге целый день провел. Как проснулся, поел немного, все рассказал нам. Оказалось, Памью спасла его собака. Когда его в тундру везли, она за нартами бежала. А потом, когда бросили его, подошла, перегрызла лахтачные ремни. У него и руки и ноги лахтачными ремнями были скручены. Трое суток они по тундре ходили, прятались в снежных норах от ветра, грелись друг о друга. Вот как!

Ну, теперь его одели, собрали немного припаса в дорогу, и ушел он в верховья реки Амгуемы, к оленным чукчам. Там и жил, кочевал, оленей пас. Там и женился.

И все-таки настало время, когда Памья вернулся, а Карпентеру удирать пришлось. Пришло такое время! Теперь о байдарных хозяевах, о шаманах да об американских скупщиках только старики помнят. Такие, как мы с Памьей.

Ведь он, Памья-то, до сих пор жив. Он в Анадыре живет, у старшего сына. Крепкий еще старик, а ведь он годов на двенадцать старше меня. Если ты, Туар, летом погостить поедешь, расспроси его, обязательно расспроси. Мы с ним еще в прошлом году вспоминали про ту рождественскую ночь. Про «кристмес» этот самый.

Старый Мэмыль смотрит на заслушавшуюся Туар, на Валентину Алексеевну, Кэйнынэ. Добрая улыбка, сначала едва заметная под ватными усами Деда Мороза, постепенно освещает все его лицо.

— Отдохнули? — спрашивает он.— Ну, идите теперь, попляшите. Ноги, наверно, давно уже в зал просятся, а? Идите, идите, вас там, небось, давно кавалеры заждались.

Авторизованный перевод с чукотского
А. СМОЛЯНА

Ахмат Аманов — один из лучших водителей десятитонного катка на участке дорожного строительства в Тахиа-Таше.

Фото Р. Кузьминского

ТАХИА-ТАШ, СРЕДАЗГИДРОСТРОЙ.
УЧАСТОК ДОРОЖНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА.
ВОДИТЕЛЮ ДЕСЯТИТОННОГО КАТКА
АХМАТУ АМАНОВУ

Дорогой Ахмат!

Прошло уже больше года с того дня, как наша школа ФЗО провожала тебя и твоих товарищей из Ташкента на стройку Главного Туркменского канала.

Мы внимательно следим по газетам за своими питомцами на Тахиа-Таше. Ребята бережно собирают в альбом статьи, в которых рассказывается о трудовых делах воспитанников-стахановцев стройки коммунизма: Раима Акилова, Ивана Жукова, Исмаила Валиева и других. В этом альбоме и твое имя, Ахмат, на почетном месте.

Мы гордимся вами! Ваши успехи прославили школу ФЗО № 22. Из разных городов страны в наш адрес приходят письма, в которых молодежь пишет о своем желании учиться там же, где учились строители Главного Туркменского канала.

В новом, 1953 году от всей души желаем тебе, дорогой Ахмат, еще больших успехов. Дороги через пустыню, которые ты прокладываешь на своей машине,— это пути в светлое будущее, пути к коммунизму.

Директор школы ФЗО № 22
А. МИРСАГАТОВ
Старший мастер А. БЕШЕНКОВ

Ташкент.

ЛЕНИНГРАД, УЛ. МАРАТА, 4, КВ. 11.
ЗВЕРЕВУ ФЕДОРУ МИХЕЕВИЧУ.

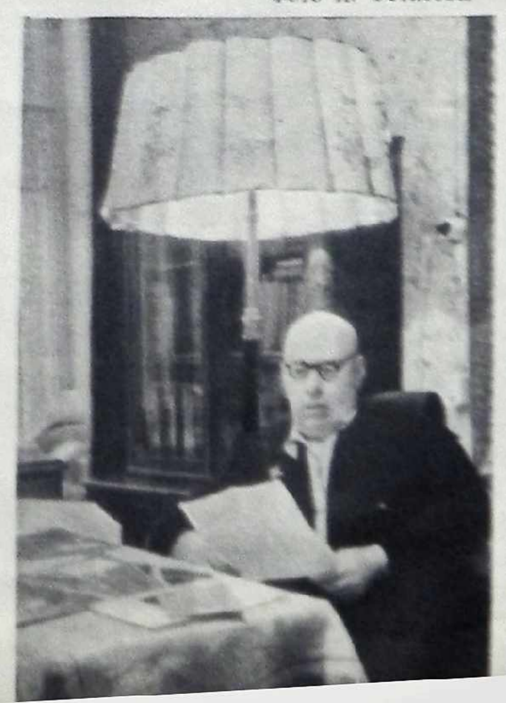
Дорогой Федор Михеевич!

Шлю Вам сердечный, дружеский привет по случаю нового, 1953 года. Сейчас невольно вспоминаются события, происходившие ровно 35 лет назад, когда в лютые морозы и пургу Вы ходили в бой против белогвардейцев, а возвратясь на «Самсон», обучали политграмоте нас, артиллеристов. Хочется пожелать Вам доброго здоровья, энергии и бодрости тех далеких и вместе с тем всегда близких, по-настоящему хороших дней.

Президент Академии наук
Белорусской ССР В. КУПРЕВИЧ

Капитан 1-го ранга в отставке Ф. М. Зверев у себя дома.

Фото И. Фетисова.

Это было год назад

Пою о новогоднем приветствии Иосифа Сталина японскому народу

Ясумаса **КИСИДА**

Новый год наступил...
В это утро для нас,
как обычно, сменились лишь числа:
то не праздник пришел к нам —
день новых и горьких забот.
Небо пасмурным было...
Невеселы лица и мысли.
«Вот какой привелось нам
встречать Новый год!»
Так мы думали с болью...
И вот сквозь туманные дали
ветер с моря
огромную радость принес:
к нам пришло Ваше слово
любви и привета,
наш Сталин,
и сдержать не сумели мы
светлых и радостных слез.

И просторы сразу засияли...
Этим утром возрожденья сил
у песчаных дюн рыбачий ялик
в блеске моря праздник ощутил.
Золотой луч солнца волны дразнит —
то отскочит, то опять прильнет...
Да, сегодня настоящий праздник
смог почувствовать страдающий народ!
...Море — словно чаша из опала;
солнце плавит рыбью чешую...
Вот когда для нас пора настала
разрешить самим судьбу свою!
Вот когда действительно пришел к нам
Новый год — весь в звуках Ваших слов!
В хижины рабочего поселка
он вдохнул волнующую новь!
Ваше слово слышится на дюнах,
где песок от сырости набух,
Ваше слово — на торговых шхунах,
в пене волн, в огнях далеких бухт,
Ваше слово — в налетевшем шквале,
в сочных красках зреющих плодов,
Ваше слово — в напряженном зале,
на притихших скверах городов.
Часть большого сердца — Ваше слово,
плод великой мысли и ума!
И для нас, кого лишают крова,
кто под грузом тяжкого ярма
изнывает, задыхаясь в муках,
Ваше слово — верная рука,
Ваше слово — мудрая наука,
как добыть свободу на века.
Ваше слово — радости источник,
Ваше слово — пламенная быль:
с ним нашли мы на родимой почве
силы для решительной борьбы!
Ваше слово — путеводный факел,
что ведет нас к радостной судьбе,
очищая вековую накипь
угнетенья, горестей и бед.
Путь к борьбе и миру — Ваше слово,
указатель лучшей из дорог!
И поэтому так грозно и сурово
движется людской поток!

Перевели с японского **Ю. ХАЗАНОВ** и **Б. РАСКИН**

Костер гнева пламенеет

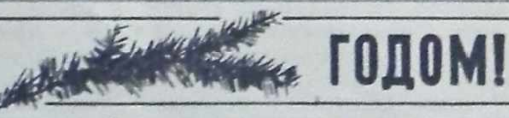
Слово испанца американскому оккупанту

Рафаэль **АЛЬБЕРТИ**

Что ты делаешь здесь с липкой жвачкой
из резины в зубах, обезьяна Америки, смачно
распивая напиток безрадостный свой — кока-кола!
Ну, скажи ты мне, что ты забыл
на испанской земле и в порту у прикола!
Океаном твоим океан мой когда-нибудь был!
И когда ж это стали твоими мои защищенные гавани,
и открытое небо мое, и луга с шелестящими травами!
А долины, а горы, а реки мои,—
на какой это карте стоит, что они — не мои, а твои!
Не хватает тебе рудников!
Слишком тесными стали заводы и банки!
А иначе зачем от Америки так далеко
по Испании ты разбросал не зерно — самолеты и танки!
Знаешь, где ты! Да где ж тебе знать,
что под нашим молчанием пламя таится,
что миллионам испанцев не спится,
если ты можешь спать!!
Ты уверен в себе! Мы тебя разуверим!
Кошелек не поможет, и подкуп тебя не спасет.
День и ночь здесь следят за тобой, как за зверем,
и костер всенародного гнева уже, пламенея, встает!

Перевел с испанского **О. САВИЧ**

С НОВЫМ ГОДОМ!

ВОЛГО-ДОНСКОЙ СУДОХОДНЫЙ КАНАЛ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА. СТАРШИМ ЭЛЕКТРИКАМ 6-го и 9-го ШЛЮЗОВ ВАДИМУ МИХАЙЛОВИЧУ МУРАВЬЕВУ И ЕЛЕНЕ ИВАНОВНЕ КАРПОВОЙ

С Новым годом, друзья!

Мне хочется вложить в это традиционное приветствие особый смысл— от всей души поздравить вас с завершением первого года работы на Волго-Доне.

Полным творческого горения был минувший год и для вас, волгодонцев, и для нас, москвичей, поставлявших оборудование великой стройке. С крутого берега Москвы-реки, на котором стоит наш завод «Динамо», воспоминания уводят меня к широкой Волге, к опаленным солнцем степям междуречья. Вижу перед собой бетонные громады, еще одетые опалубкой, бесконечные горы земли, непрерывное, ни днем, ни ночью не стихающее движение машин. Весной, в предпусковые месяцы, когда я впервые попал на стройку, мне, скажу по совести, показалось маловероятным, что летом тут поплывут корабли. Да и вы, молодые инженеры, пришедшие сразу по окончании институтов принимать новое сооружение, поначалу тоже малость растерялись. Но и вам и нам довелось практически познакомиться с советскими темпами работы. В точно назначенный срок корабли пошли по Волго-Дону.

Великое счастье выпало нам с вами, друзья,— стоять у колыбели Волго-Дона, первенца строек коммунизма. Но жизнь идет вперед. И вот уже на новом канале закончилась первая навигация. Наверное, сейчас вы, эксплуатационники, выпустив воду из шлюзов, осматриваете гидросооружения, подводите итоги их работы, пишете отчеты. Мы, электромашиностроители, ждем ваших замечаний. Ведь сейчас на «Динамо» уже проектируется электрооборудование для новых шлюзов.

Не сомневаюсь, что в скором будущем нам, динамовцам, доведется работать на Куйбышевской и Сталинградской ГЭС, на Главном Туркменском канале. При освоении новых гидросооружений, несомненно, понадобится и ваш опыт, приобретенный в первый год эксплуатации шлюзов Волго-Дона. И, может, судьба снова сведет нас вместе.

Свой новогодний тост я поднимаю за дружбу советских людей, за их творческое сотрудничество, за счастье быть строителями коммунизма!

М. А. КУПЦОВ,
старший инженер отдела главного конструктора московского завода «Динамо» имени С. М. Кирова

Старший электрик 6-го шлюза В. М. Муравьев.

Старший электрик 9-го шлюза Е. И. Карпова.

Фото Г. Зельма

ПРАЗДНИК ДРУЖБЫ

Борис ЧИРКОВ,
народный артист СССР

От Свердловска до Пекина мы летели более суток без сна, с тремя короткими (часовыми) остановками. Но когда по приезде нам сообщили, что через час делегация деятелей советской культуры будет принята председателем Мао Цзэ-дуном, сразу исчезла усталость, сменившись радостным ожиданием.

В центре Пекина большая территория огорожена высокой красной стеной. Раньше это был «запретный город», где проживала императорская фамилия. Теперь здесь открытый для народа парк, музей, и тут же находится резиденция Центрального народного правительства. Мы миновали ворота, охраняемые солдатами в зеленых ватных куртках и шапках, напоминающих красноармейские шлемы времен гражданской войны, и поехали по берегу большого внутреннего озера. Машины остановились около здания, двери, деревянные колонны, потолочные балки которого раскрашены яркими, блестящими красками: зеленой и красной. В сочетании с затейливыми узорами — золотом, серебром и черным лаком — все это создает впечатление праздничности, нарядности, торжественности.

Мы вошли в просторную продолговатую комнату, в центре которой стоял Мао Цзэ-дун в зеленом военном костюме.

Крупные черты его лица знакомы нам по портретам. Но сейчас мы улавливали в них новое — выражение именно этой минуты. Нас по очереди представляют ему, а он, пожимая каждому руку, внимательно вглядывается в лица.

Председатель Мао Цзэ-дун приглашает всех садиться и сам опускается на небольшой диван. Около него садятся члены китайского правительства, присутствующие на приеме: Чжу Дэ, Чжоу Энь-лай, Сун Цзин-лин, Го Мо-жо и другие.

Мао Цзэ-дун оглядывает собравшихся и тихим, ровным голосом произносит:

— Китайский народ очень рад вашему приезду.

Один из руководителей нашей делегации рассказывает о первых впечатлениях от страны, народа и от искреннего гостеприимства, с которым нас здесь встретили. Он говорит о глубоком чувстве дружбы советских людей к народу Китая, значении дружбы и союза двух великих народов для борьбы за мир, в которой объединилось уже более 800 миллионов человек.

Беседа продолжается минут сорок. Затем мы прощаемся с товарищем Мао Цзэ-дуном...

Торжественное заседание назначено в помещении, которое недавно было специально построено для Конгресса сторонников мира стран Азии и Тихого океана. Сегодня его заполнили передовые люди китайской столицы — молодежь и старики, рабочие и служащие, студенты и профессора, художники, артисты. Все эти люди собрались на праздник дружбы двух великих народов.

Из боковых дверей выходят на трибуну члены президиума во главе с товарищем Мао Цзэ-дуном. Все присутствующие встают и долго приветствуют вождя китайского народа. В синем летнем пальто, надетом поверх обычного своего костюма, он проходит к столу и занимает место, предложенное ему профессором Го Мо-жо, председательствующим на вечере.

Первое слово предоставляется заместителю председателя Центрального народного правительства Сун Цзин-лин. Она говорит о дружбе народов, о счастливом будущем человечества, за которое борются советский и китайский народы. Она говорит о мире, о котором думают все простые люди на земле. Всякий раз, когда упоминались имена И. В. Сталина и Мао Цзэ-дуна, весь зал вставал и устраивал овации. Мао Цзэ-дун поднимался и долго аплодировал, когда называлось имя учителя и друга всех тружеников земли товарища Сталина. Он поднимался и тогда, когда овация возникала в его честь, но старался как можно скорее опуститься на свое место, давая этим знак к прекращению аплодисментов. Однако овации только усиливались, и Мао Цзэ-дун вновь поднимался и подолгу стоял, тихо похлопывая в ладоши...

Собрание китайцев и русских, непринужденное, шумное, дружески веселое, затянулось до глубокой ночи. Приветственные возгласы, поздравления, пожелания процветания и счастья слышались во всех концах обширного помещения. Два языка смешались в один общий гул, и если не всегда были понятны слова, то понятен был блеск глаз, понятно чувство единения и дружбы, уверенности в своих силах, в правоте общего дела.

Далеко от Москвы мы были на своем великом Октябрьском празднике, и наша радость была также радостью наших друзей и хозяев.

Утром седьмого ноября мы проснулись еще задолго до того, как начинается парад на Красной площади в Москве. В Москве предрассветная тьма еще стояла на улицах, а здесь, в Пекине, яркое солнце уже поднялось на безоблачном небе и расцветило город.

Громкоговорители на улицах передавали советские песни, у входа в кинотеатры толпился народ. Днем на стадионе предстояли выступления Ансамбля песни и пляски Советской Армии, и десятки тысяч людей уже идут к месту концерта. В кинотеатре «Шоуду» — начало кинофестиваля советских фильмов. Вечером в парке имени Сун Ят-сена — народное гулянье.

Китайский народ праздновал 35-ю годовщину великого Октября!

Кинотеатр «Шоуду» разукрашен флагами, плакатами, цветами. В зале, куда ни взглянешь, всюду видишь приветливые улыбки. Если бы даже и не говорились слова о дружбе, — по одному выражению лиц можно убедиться в том, что здесь собрались вместе искренние и надежные друзья.

Начинается демонстрация нашего фильма «Незабываемый 1919 год». Одновременно в 66 городах Китая, в 321 кинотеатре идет фестиваль советских фильмов. Их просмотрит сто миллионов зрителей! Еще за много дней до начала фестиваля началась продажа билетов, и сотни тысяч были проданы в первые же часы. В городе Лучжоу три четверти жителей заранее приобрели места на наши кинокартины, в Куньмине — почти столько же, а в Мукдене, громадном промышленном городе, половина жителей предварительно запаслась билетами. И так по всей стране.

Фильм «Незабываемый 1919 год» китайские зрители смотрели как повесть о близких людях, как рассказ о великих революционных событиях, с которыми связаны исторические судьбы китайского народа.

Как только по ходу действия появился на экране товарищ Сталин, из зала понеслась река аплодисментов, возгласы, многоголосые приветствия тому, кто в своей борьбе за счастье народов боролся и за лучшую долю для простого люда Китая.

Шумное одобрение вызывает эпизод матросского десанта... Окончание фильма идет под несмолкающие рукоплескания... Но сильнее всего реагировал зрительный зал, когда по ходу картины товарищу Сталину докладывают о том, что английский флот отвернул от советских берегов и удирает восвояси, а товарищ Сталин спокойно отвечает: «Пусть привыкают!..» Все присутствующие вдруг единодушно, громко и весело рассмеялись, потом дружно и энергично захлопали. В этом смехе было торжество над заносчивым, но посрамленным империалистическим агрессором, уверенность в непобедимости народа, сражающегося за свою свободу и счастье.

Мы едем в гости к шахтерам угольного района Ченцзызи. Уже стемнело, когда мы выбрались из города и покатили в северо-западном направлении. Через час подъехали к ярко освещенным воротам, у которых нас уже ждали. Директор угольного комбината, начальник шахты, партийные работники долго и приветливо трясут нам руки.

Во дворе мы попадаем в живой коридор: масса народу выстроилась двумя шеренгами вдоль нашего пути, нам машут букетами цветов, хлопают в ладоши, кричат: «Да здравствует Сталин!» Громко играет оркестр. Постепенно наш живой коридор становится все моложе, но тем оживленнее и горячее прием. Девушки подпрыгивают на месте, как бы танцуя. Нас, как волна, подымает эта радость, эта непосредственность, и вот мы уже подхватываем призывы, несущиеся нам навстречу.

Небольшая эстрада. Перед ней,

прямо на земле, уселось около двух тысяч человек — шахтеры, учащиеся школ.

Не впервые сталкиваемся мы, советские артисты, со своими зрителями. Но когда слышишь слова одобрения твоему любимому искусству от людей гигантского, полумиллиардного народа, когда тебе говорят, что народ этот на наших советских фильмах учится жить и работать, кто может остаться к этому равнодушным, у кого не забьется сердце гордостью за родной наш Советский Союз?!

А сколько серьезного детского доверия и нежности было в блестящих черных глазах мальчика, что стоял против меня, вручая букет цветов! Руки невольно потянулись, чтобы обнять его. Почувствовав ласку, мальчуган прижался ко мне. И так мы стояли, взволнованные, и, признаюсь, я едва удержался, чтобы не расплакаться. Уже потом, после окончания встречи, мы сидели за столом вместе с пионерами. Веселый, румяный мальчик с туго натянутыми щеками чистил мандарины и кормил ими своего взрослого гостя.

«Как тебя зовут, мой дружок?» Он встал со стула. — «Я У Вэй, ученик первого класса, пионер!» «Кто твой отец?» «Он шахтер, его зовут У Цзи-чан... А вы передайте московским пионерам, что я их друг и шлю им привет...» «Обязательно, обязательно передам!»

Вероятно, для того, чтобы это служило взрослому человеку напоминанием об обещании, мальчик снимает с себя пионерский значок и прикалывает мне на грудь.

Ребятишки, полностью завладев делегацией, ведут ее к машинам, усаживают, прощаются, закрывают дверцы, наперебой кричат: «Смотрите же, не забудьте передать привет московским пионерам!..»

Я смотрю на лежащий передо мной лист бумаги и убеждаюсь: нет, мне не запечатлеть на нем даже ничтожную долю того, что мы видели, пережили, чем были так взволнованы и воодушевлены в эти дни, прожитые в народном Китае!..

В детском саду Пекинского педагогического института. Маленький «доктор» принимает «больных».

Университет Цинхуа — «Светлый Китай» — находится за городом. Он основан сорок один год тому назад. После освобождения в три раза увеличилось число его студентов, теперь оно доходит до шести тысяч человек. Новые факультеты, аудитории, новые здания общежитий, профессорских квартир... Теперь «Светлый Китай» — одно из крупнейших высших учебных заведений в стране.

Мы подъезжаем к университету — и невиданное зрелище предстает перед нами: сотни юношей и девушек освещают нам путь бумажными фонариками, которые держат в руках или на палках. Желтый свет падает на весело возбужденные лица молодежи. Они размахивают фонарями, скандируя: «Сталин — Мао Цзэ-дун!»

Машины подошли к огромному застекленному зданию с высокой крышей на железных фермах. Нам показалось, что внутри работает какая-то колоссальная машина: мощное напряженное гудение слышно на улице. Но едва мы перешагнули порог, как почувствовали, что значит, когда шесть тысяч юношей и девушек источают свой неугасимый темперамент!

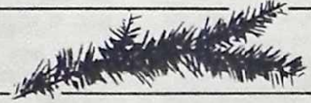
Мы двигались к эстраде рывками: то и дело возникали пробки из людей, мы делали три — четыре шага, но вновь натыкались на людской заслон, и сопровождавшим нас товарищам приходилось «откапывать» нас из этой веселой, радостной, шумной человеческой массы, и то и дело рука оставалась где-то позади, удерживаемая крепкими, дружескими рукопожатиями. Мы забираем сразу по десятку рук в свои руки, но каждый палец оказывается в плену, его трясут, пожимают, ему пытаются передать волнующее всех чувство! И вот, задыхающиеся, счастливые, до глубины души взволнованные, стоим на эстраде. Кажется, не будет конца этой буре человеческих чувств. Возгласы, лозунги, приветствия стали каким-то общим титаническим голосом, который мечется между стенами, отражается от потолка и с силой звучит во всем огромном зале.

Наконец на эстраду выходит дирижер. Он долго размахивает своей палочкой, видимо, стараясь успокоить аудиторию, но там не замечают его сигналов. Через несколько минут его все-таки увидели, шум постепенно стал стихать. И тогда, к нашему удивлению, мы поняли, что он все это время дирижировал оркестром, который в полную свою мощь играет песню «Москва — Пекин»

Зал на минуту стих и затем дружно подхватил эту песню, самую популярную теперь в Китае. Кончилась музыка, и как будто бы прочно установилась тишина. Но это только до той минуты, пока очередной оратор не сказал: «Образы советских людей, создаваемые советским искусством, — это пример для подражания нашей молодежи...» И снова взрывается аплодисментами зал. Мы растроганы и в то же время заражены этой энергией, которую молодежь отдает и будет отдавать родине без устали всю жизнь. Эта молодежь словно аккумуляторы, заряженные лет на сто!

И мы думаем, глядя в зал: если такова сила любви этого народа к другу, то какова же должна быть сила его ненависти к империалистам!..

С НОВЫМ ГОДОМ!

МОСКВА. ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ МЕДИЦИНСКОЙ СЛУЖБЫ ПРОФЕССОРУ Д. А. АРАПОВУ

Дорогой Дмитрий Алексеевич!

Вот уже десять лет, как, встречая Новый год, я всегда поднимаю тост за Ваше здоровье. Десять лет назад, в дни Великой Отечественной войны, Вы своим искусством хирурга спасли мне жизнь.

Вспоминаю морозную ночь в Заполярье. Подбитый в воздушном бою, я «потянул» на своем ястребке к родному аэродрому. Самолет горел, и пришлось оставить его, выброситься на парашюте. Парашют раскрылся, но лямки, перебитые осколками, оборвались, парашют унесло ветром, и я камнем пошел вниз.

Глубокий сугроб между двумя сопками несколько смягчил удар при падении с 800-метровой высоты. Хоть я и остался жив, но в госпиталь меня доставили с глубочайшими травмами.

Вы, главный хирург Северного флота, находились далеко от госпиталя, на переднем крае нашей обороны. На быстроходном катере сквозь шторм и тьму полярной ночи поспешили Вы ко мне на помощь.

Спасая жизнь мне, рядовому воину, Вы исполняли гуманный долг советского врача так же, как Вы делали в тысячах подобных случаев. Поэтому-то мне и хочется всегда благодарить Вас не только от своего имени, но и от имени многих и многих моих товарищей: летчиков и моряков, пехотинцев и артиллеристов — всех тех, кому Вы вернули здоровье, силы, бодрость.

Десять лет прошло с памятных дней в Заполярье — дней моего второго рождения. Как счастлив я, что за это десятилетие мне довелось быть свидетелем новых всемирно-исторических побед любимой Родины! Встречая новый, 1953 год, мы с Вами, как и миллионы наших сограждан, от всей души провозглашаем здравицу любимому учителю и вождю, отцу и другу нашему Иосифу Виссарионовичу Сталину.

Сергей **КУРЗЕНКОВ,**
Герой Советского Союза,
студент Литературного института

Д. А. Арапов и С. Г. Курзенков.

ЗАМЕТКИ О НЕКРАСОВЕ

К 75-летию со дня смерти поэта

Корней ЧУКОВСКИЙ

1. Прозрение будущего

Весь свой могучий талант Некрасов отдал на служение современности. Самое слово «современность» было его излюбленным словом. Оно слышится у него даже в заглавиях: «Современная ода», «Опыт современной баллады», «Современники». Его стихи в огромном большинстве были злободневными откликами на животрепещущие темы эпохи.

Вдумчиво наблюдавший жизнь народа в условиях царской России, поэт рисовал в своих произведениях неприкрашенную картину нелегкого существования трудового люда и, изображая того или иного человека, старался угадать его дальнейшую судьбу.

Недаром во многих стихах он так часто повторяет: «будешь» — «будет», «будете» — «будут».

Так как по условиям тогдашней действительности участь тех, кому Некрасов служил своим творчеством, становилась с каждым годом все более тяжкой, большинство его «предсказаний» приобретало глубоко трагический смысл.

Будет быть тебя муж-привередник
И свекровь в три погибели гнуть.

Били вас палками, розгами, кнутьями,
Будете биты железными прутьями...

При этом речь у Некрасова шла всякий раз не о какой-нибудь мелкой случайности, которой, пожалуй, может и не быть, но о самом главном, о самом существенном, определяющем собою всю дальнейшую биографию изображаемых лиц. Из стихов Некрасова с очевидностью явствует, что для него эти будущие судьбы людей коренятся в социальной действительности и полностью обусловлены ею. Оттого-то «будешь» и «будете» так многозначительно звучат у Некрасова: в каждом этом слове — пророчество обо **всей** будущей судьбе того или иного человека:

От работы и черной и трудной
Отцветешь, не успевши расцвесть...

Таково было органическое свойство поэзии Некрасова: на основе того, как живет в настоящее время изображаемый им человек, поэт мысленно «конструировал» самую суть его будущего.

Полный глубокого сочувствия к жертвам бесчеловечного строя, Некрасов постоянно глядел в «темное море», как называл он ближайшее будущее своих современников:

И вперед — в это темное море —
Без обычного страха гляжу.

Стихи эти написаны от лица подъяремного труженика, брошенного, по выражению Некрасова, «в сферу страшной и мрачной действительности». Страх перед будущим здесь назван «обычным», так как от рождения до смерти каждый из этих людей привык существовать под угрозой беды, подстерегавшей его в царской России отовсюду.

Однако горькие прогнозы Некрасова всегда относились к ближайшему будущему, ограниченному пределами тогдашней действительности. Но едва лишь творческая мысль поэта вырывалась за эти пределы и, охватывая более отдаленное будущее, обращалась к судьбе, которая ожидала Россию, он становился пророком великих народных побед и беспредельного народного счастья:

Лишь бог помог бы русской груди
Вдохнуть пошире, повольней —
Покажет Русь, что есть в ней люди,
Что есть грядущее у ней.

Пользуясь крылатым выражением Гоголя, можно сказать, что Некрасов смотрел на Россию «под углом ее сияющего будущего». Он не был бы великим народным поэтом, если бы даже в самые мрачные периоды общественной жизни отрекся от своей веры в будущее русского народа, который, по его убеждению,

Вынесет все — и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.

В советское время большинство его светлых пророчеств о русском народе уже стало явью, а одно осуществляется буквально у нас на глазах, и потому его вспоминаешь теперь особенно часто:

Иных времен, иных картин
Провижу я начало

В случайной жизни берегов
Моей реки любимой:
Освобожденный от оков
Народ неутомимый

Созреет, густо заселит
Прибрежные пустыни,
Наука воды углубит:
По гладкой их равнине

Суда-гиганты побегут
Несчетною толпою,
И будет вечен бодрый труд
Над вечною рекою...

Великолепно-счастливым рисовалось поэту будущее более поздних поколений народа, после того как они сбросят с себя эти тяготы:

В минуты унынья, о родина-мать!
Я мыслью вперед улетаю.

Здесь одна из важнейших сторон революционно-демократического мировоззрения Некрасова, которое у него, как у всякого борца за народное счастье, было до предела насыщено пафосом будущего.

Образы многих некрасовских персонажей потому-то и были созданы им, что в них воплощались его мысли о будущем. Такова, например, героиня его поэмы «Саша» (1855 год). Образ девушки, рвущейся из тисков патриархальной, старозаветной семьи к самоотверженному подвигу на благо народа, едва лишь наметился в тогдашней действительности, но Некрасов уже в ту раннюю пору уловил в нем основные черты будущей революционерки 60—70-х годов. Своей «Сашей» Некрасов не только предугадал, предвосхитил будущий тип русской женщины, но и воздействовал на формирование этого типа, способствовал его распространению. Из автобиографии Веры Фигнер мы знаем, какую роль сыграла эта поэма Некрасова в жизни молодежи 70-х годов, в период ее революционного роста. Такое же предвосхищение желанного будущего в некрасовском образе Гриши Добросклонова (в поэме «Кому на Руси жить хорошо»). Здесь выразилось свойственное революционеру стремление отыскивать в настоящем потенции будущего и учитывать эти потенции, как надежное мерило эпохи.

Ко многим произведениям Некрасова можно было бы поставить эпиграфом замечательные слова его боевого собрата Салтыкова-Щедрина:

«Литература провидит законы будущего, воспроизводит образ будущего человека».

Заядлый враг демократии, реакционный публицист М. П. Погодин был вынужден открыто признать:

«Мы обращались преимущественно к прошедшему, а противники наши к будущему».

Видя в литературе одно из орудий революционного преобразования мира, и Белинский, и Чернышевский, и Щедрин, и Некрасов весь свой писательский подвиг совершали во имя будущего.

Активное стремление Некрасова к участию в строительстве будущего сказалось в характерных для него обращениях к детям — этим подлинным носителям будущего: и в его «Песне Еремушке», и в его «Железной дороге», и в «Дедушке» повторяется излюбленный сюжетный прием: революционер обращается к ребенку с такими предсказаниями, призывами, требованиями, которые могут быть реализованы очень нескоро. В поэме «Дедушка» старик-декабрист так и говорит шестилетнему внуку:

Ты еще в возрасте малом,
Вспомнишь, как будешь большой.

Отмечая эти типические особенности поэзии Некрасова, мы не можем не вспомнить другого писателя, принадлежащего уже нашей эпохе, Владимира Маяковского, который тоже отдал всю свою «звонкую силу поэта» служению современности. Здесь одно из важнейших звеньев, связывающих критический реализм Некрасова с социалистическим реализмом Маяковского.

Точно так же роднит Маяковского с его великим дореволюционным предшественником неотступная мысль о будущем. Не было у Некрасова другого наследника, который бы так страстно, с такой жадной пытливостью глядел бы из настоящего в будущее.

Но в то время, как «мужицкий демократ» 60-х годов мог уноситься мечтой лишь в очень далекое будущее, а близкое воплощалось для него в самых мрачных и мучительных образах («Бедная, лучше вперед не гляди», «Ему судьба готовила... чахотку и Сибирь»), Маяковский знал наверняка и не усомнился ни разу, что уже ближайшее советское завтра богато небывалыми радостями.

Его поэму «Хорошо!» не раз называли «пророческой». Так же можно было бы назвать большинство его стихотворений. Каждым из них Маяковский боролся за будущее, и «товарищи-потомки» незримо присутствовали почти во всем, что написано им. Ощущать их присутствие было его постоянной привычкой.

«Как живой с живыми», говорил Маяковский с поколениями, которые придут вслед за ним. Ибо в мире не бывало другого народа, для которого руководящим началом всех трудов и стремлений была бы такая неотступная мысль о завоевании счастья для близких и далеких потомков. Маяковский и явился выразителем этого всенародного советского пафоса.

Он был счастливее Некрасова: его уверенность в радостном завтра была обусловлена всеми качествами и достижениями нового строя; у Некрасова же для этой уверенности не было других оснований, кроме надежды на чудотворные народные силы. Эти силы он ощущал постоянно и напоминал о них, говоря о России:

В ее груди
Бежит поток живой и чистый
Еще немых народных сил...

Рать подымается —
Неисчислимая,
Сила в ней скажется
Несокрушимая!

И мы, современные советские люди, не должны забывать, что в ту далекую пору — начиная с сороковых и пятидесятых годов минувшего века, когда самую мысль о будущем нашей страны николаевские власти считали крамольной, когда господствующие классы, преследуя всякое новшество, внушали народу, что все загадано на тысячу лет и пребудет неизменным до скончания мира, — явился великий народный трибун, одаренный живым ощущением будущего и неустанно будивший это чувство в читателях. Чувство это было внушено ему настроениями трудового народа, просыпавшегося для революционной борьбы. И поэт уверенно пророчествовал о грядущей «прекрасной поре».

2. Два отрывка

Лет пять или шесть назад были впервые опубликованы два документа, живо характеризующие личность Некрасова.

Первый из них — очень краткий отрывок из поэмы «Кому на Руси жить хорошо», черновик, так и не вошедший в ее окончательный текст... В отрывке дано беглое, без конца и начала, описание пожара в какой-то деревне. Загорелась барская усадьба.

И было так безветренно,
Как ‹будто› свечка в комнате
Спокойным, ровным пламенем
Горел господский дом.

Дальше — еще три строки о пожаре, причем снова подчеркивается, что погода была очень тиха:

И было так безветренно,
Что дым над этим зданием
Стоял прямым столбом.

К горящему дому сбежались крестьяне, очевидно, из ближайшей деревни. Пользуясь отсутствием ветра, они при желании могли бы без труда погасить это тихое пламя, но в том и заключается вся суть эпизода, о котором повествует Некрасов, что среди них не нашлось никого, кто выразил бы такое желание.

То был пожар особенный:
Ведра воды невылито
Никем на весь пожар!

Как бы сговорившись заранее, крестьяне предпочли воздержаться от тушения пожара и до самого конца оставались пассивными зрителями. Некрасов так и пишет о них:

Сошлися как в театр.

Безучастно стояли они вокруг горящего здания и, словно в самом деле перед ними было театральное зрелище, обменивались короткими репликами о всякой новой победе огня:

Глядите, башня рухнула!

Из следующих строк выясняется, что эта башня была для помещика наблюдательным пунктом, откуда он надзирал за крестьянскими полевыми работами, очевидно, для того, чтобы впоследствии карать нерадивых.

Сколько раз с нее в подзорную
Трубу высматривал, —

читаем в дальнейшем тексте.

Конечно, никто из крестьян, собравшихся вокруг охваченного пламенем дома, не дерзнул откровенно и громко выразить свою радость по случаю гибели барской усадьбы, но была, говорится в рукописи,

Какая-то игривая
Усмешка чуть заметная
У каждого в очах, —

усмешка торжества и ликования.

У читателей, вполне представляющих себе общую концепцию поэмы «Кому на Руси жить хорошо», не может возникнуть сомнения в том, что все сочувствие Некрасова было на стороне этих мстителей, выразивших единственно доступным им способом свою многолетнюю ненависть к господской усадьбе.

Конечно, описанный здесь эпизод характерен и сам по себе, но он приобретает новый, глубоко знаменательный смысл, если с этими стихами сопоставить другой новонайденный текст — прозаический отрывок из автобиографии Некрасова, записанный под диктовку поэта во время его предсмертной болезни.

В нем поэт говорит о родительском доме, что тот

«...недавно сгорел, говорят, в ясную погоду при тихом ветре, так что липы, посаженные моей матерью в шести шагах от балкона, только закоптились среди белого дня.

— Ведра воды не было вылито, — сказала мне одна баба.

— Воля божья! — сказал на вопрос мой крестьянин не без добродушной усмешки».

Сходство обоих описаний пожара полнейшее. И там и здесь Некрасов упорно подчеркивает, что пожар произошел в тихий день, при спокойной погоде и что, стало быть, огонь было очень легко потушить. И там и здесь говорится об особенной крестьянской «усмешке», вызванной этим пожаром. И там и здесь повторяется фраза: «Ведра воды не было вылито».

Из сопоставления обоих отрывков мы видим, что пожар, описанный Некрасовым в вышеприведенных стихах, уничтожил не чью-нибудь чужую усадьбу, а его собственное, некрасовское родовое гнездо — ярославское имение Грешнево.

В этом неприметном, случайно открывшемся нам эпизоде выразилась самая сущность убеждений Некрасова.

Казалось бы, как не любить то жилище, где ты провел свое дет-

Поэт моего детства

Антон **ПРИШЕЛЕЦ**

Крестьянские дети.
Крестьянское поле.
Заречные зори, веселый ночлег...

Тогда мы с тобой познакомились в школе
Да так и остались друзьями навек.

Зимою, в упряжке тяжелых салазок,
Мы ездили в лес по дрова и за то
Друг друга, шутя, называли мы Власом:
«В больших рукавицах... а сам с ноготок»

Вдруг выстрел!
И тотчас испуганный заяц
По снежной пороше бежит напрямик.
— У-ух! Удирает от деда Мазая! —
Кричим мы.—
Опять промахнулся старик!

А летом —
Зеленое детское лето! —
Обходим, обшарим, разведаем все:
И поле, и речку, и лес,—
И при этом
Мы столько историй домой принесем!

Савраска губами гришухино ухо
Хватает с горохом, как теплый стручок.
Мы нашего Гришу прозвали Гришухой.
Гришуха!..
(Он где-то в Сибири врачом.)

Во ржи, за стогами, кричит перепелка,
А мы соберемся в ночном, у костра,
И песни твои про широкую Волгу,
Про девушку Катю поем до утра.

Мы, в общем, веселые были ребята,
Но часто случалось, в осенний денек
Грустили и мы
О полоске несжатой,
О том, что хозяин ее занемог.

Не каждое утро нас лаской встречало,
До срока тяжелый узнали мы труд.
Но даже и с ним
У нас было немало
Оставшихся в памяти светлых минут.

Те годы далеко, окутаны дымом.
Но если вглядишься в их тающий след,—
Все лучшее слито в них неотделимо
С твоими стихами,
С тобою, поэт!

Какую грозу мы потом пережили!
И многие в битве с врагом полегли.
Но Родину нашу, что с детства любили,
Мы детям и внукам своим сберегли!

Сегодня поля наши стали иными,
И время другое, и песни не те.
И звонкую радость никто не отнимет
Сегодня у наших счастливых детей.

Она их встречает и в поле и в школе.
И хочется крикнуть с тобой заодно:
«Играйте же, дети! Растите на воле!
На то вам и красное детство дано...»

ство и юность! Особенно писатели-дворяне, — с каким умилением вспоминали они свои детские годы в отцовских усадьбах! А Некрасов, глядя на родительский дом глазами закабаленных крестьян, отзывался о нем с отвращением, как о ненавистной темнице:

Родился я в большом дому,
Напоминающем тюрьму...

И не только отцовский дом был ненавистен Некрасову. Поэт относился с такой же ненавистью и к отцовскому лесу, и к отцовскому полю, и даже к тому ручью, что протекал по отцовским лугам. В знаменитом стихотворении «Родина», написанном задолго до пожара, поэт радостно приветствовал уничтожение и гибель всех этих отцовских владений:

И с отвращением кругом кидая взор,
С отрадой вижу я, что **срублен** темный бор —
В томящий летний зной защита и прохлада, —
И нива **выжжена**, и праздно дремлет стадо,
Понурив голову над **высохшим** ручьем...

(Подчеркнуто везде мною. — К. Ч.)

Выраженное здесь чувство вполне гармонирует с тем, какое проявилось в вышеприведенных отрывках о пожаре отцовского дома. Оттого-то так победно и радостно звучит позднейшее восклицание поэта:

Сгорело ты, гнездо моих отцов!
Мой сад заглох, мой дом бесследно сгинул...

Либеральные авторы бесчисленных жизнеописаний Некрасова, стремившиеся изобразить его беззлобным и кротким «печальником горя народного», видели в его стихах только жалость к закабаленным крестьянам.

Повторять эту либерально-народническую ложь — значит клеветать на поэта. Ибо в том и заключается историческая заслуга Некрасова и высокая ценность его бессмертной поэзии, что он ни разу не сделал закабаленный народ объектом своей жалости, не унизил ни его, ни себя какими бы то ни было «гуманствами», а, так сказать, полностью отождествил себя с ним, стал выразителем его боли и гнева.

В квартире-музее Н. А. Некрасова (Ленинград)
Фото В. Федосеева

Корейские сказки

Рисунки В. Высоцкого

Многообразна культура Кореи, героически отстаивающей дело мира в борьбе против американских империалистов. Большое место в творчестве нашего народа занимает сказка. Для корейцев она имеет особое значение. Долгое время Корея находилась под чужеземным игом, а господствующая верхушка — под влиянием чужеземной культуры. Сказка тогда заменяла широким слоям народа книгу.

Глубокая жизненная мудрость, художественное совершенство всегда привлекали и привлекают к сказке сердца людей. Правдиво отражая жизнь народа, его характер, ум, она стала одним из действенных средств воспитания, прочно вошла в наш быт.

Се Ман Ир

Братья

В одной деревне жил крестьянин с женой, и было у них два сына. С годами дети подрастали, а родители старели. Когда Чан Мо — так звали старшего сына — минуло двадцать лет, он женился.

Как полагается старшему сыну, Чан Мо не покинул своих престарелых родителей. Он остался жить с ними, чтобы на старости лет отец и мать не знали никаких забот.

Вскоре женился и младший брат, Чан Су. Поселился он на другом конце деревни и стал обзаводиться своим хозяйством. Нелегко ему было. Построил кое-как фанзу, смотрит: землю пахать нечем. Достал плуг — нет денег на быка. Обзавелся быком — помещику за землю нечем платить. А тут еще и дети пошли!

Но был Чан Су трудолюбив: выходил он работать на поле раньше всех соседей, а домой возвращался позже других.

Нелегко жилось младшему брату, да и старшему было трудно. Ведь ему приходилось заботиться не только о детях и жене. Надо было всегда помнить и о старых родителях. И хотя жили братья впроголодь и много у них было всяких забот, но согласие между ними не нарушалось.

Однажды осенью Чан Мо пересчитал свои запасы риса и подумал:

«Немного у меня зерна: всего-то десять мешков. Но ведь у Чан Су еще меньше уродилось. Надо ему помочь, но так, чтобы он не узнал об этом».

И когда стемнело, Чан Мо взвалил на плечи мешок самого лучшего зерна и понес к дому младшего брата.

По дороге встретил он какого-то человека, только не разобрал в темноте, кто это.

Положил Чан Мо у дома брата мешок и поспешил обратно. Он решил принести еще один мешок.

Вернулся Чан Мо домой и видит: как было у него десять мешков, так десять и осталось.

Но раздумывать было некогда. Взвалил он еще один мешок на плечи и понес к брату.

На обратном пути он опять встретил на дороге какого-то человека и опять не разобрал в темноте, кто это.

Вернулся Чан Мо к себе — снова такая же история: как было у него десять мешков, так и осталось. Что за чудеса!

— Коли так, — решил Чан Мо, — отнесу-ка я брату еще два мешка!

И снова зашагал он по знакомой тропинке в другой конец деревни.

А в это время взошла луна, осветила тропинку, и стало видно, как днем.

Но едва Чан Мо прошел половину пути, как увидел, что навстречу ему идет человек с мешком на плечах. А когда человек этот приблизился, Чан Мо узнал в нем младшего брата.

— Куда ты идешь так поздно? — спросил Чан Мо.

— А куда это вы идете в такое время? — спросил Чан Су.

И оба брата сразу все поняли и радостно рассмеялись.

Оказывается, Чан Су тоже решил помочь брату и поделиться с ним своим урожаем. И в один и тот же час они начали носить друг другу мешки с рисом.

Рассмеялись братья еще раз и крепко обнялись. И хотя мешки с рисом были тяжелы, но на сердце братьев было легко. Еще бы! Ведь братская любовь и дружба любую тяжесть делают легкой!

Догадливый судья

Однажды один продавец шелка решил отправиться из Пхеньяна на ярмарку. Взял он с собой тридцать маленьких свертков шелка, сел на осла и поехал. В дороге застала его ночь, а поблизости не было ни деревни, ни заброшенной фанзы. Невдалеке от дороги возвышалась гробница, окруженная высокой стеной. По обе стороны могильного холма стояли две каменные статуи.

Здесь продавец и решил провести ночь. Связал он все свертки шелка вместе, положил их под голову, лег и заснул. Крепко спал утомленный путник, а когда проснулся, увидел, что под головой у него вместо шелка лежит большой камень.

Заплакал продавец. Не осталось у него ни денег, ни товара, и не знал он, как прокормить семью.

Думал, думал несчастный, что ему делать, и решил отправиться в ближайшую деревню: пожаловаться на воров судье. А настоящий судья этой деревни уехал надолго в Сеул. И вместо него жители сделали судьей одного старого крестьянина. Он славился справедливостью и большим умом. И поэтому народ уважал его.

сказки

Выслушал старик жалобу продавца и спросил:

— Ты никого не видел поблизости от гробницы?

— Никого, — ответил продавец. — Там стояли только две каменные статуи.

— Тогда пусть доставят статуи в суд. Они будут свидетелями.

Удивились крестьяне: не сошел ли с ума их судья? Где это видано, чтобы каменные статуи были свидетелями в суде?

Но ведь с судьей спорить нельзя! Как он сказал, так и сделали.

Вся деревня собралась у дверей дома, где судья чинил свой справедливый суд. Все хотели услышать, как он будет допрашивать статуи.

Но судья разрешил впустить в дом только тридцать человек. Прежде чем приступить к делу, он сам пересчитал всех вошедших.

Поначалу судья прочел несколько страниц из знаменитых творений китайских писателей, потом огласил законы Кореи, которые карали воров тяжким наказанием, и, наконец, предоставил слово продавцу шелка.

Продавец рассказал все, что с ним случилось.

Тогда судья торжественно обратился к каменным статуям, которые были установлены в комнате суда:

— Отвечайте, кого вы видели в ту ночь, когда воры похитили шелк?

Статуи, конечно, молчали.

Тогда судья сказал громко:

— За то, что вы не хотите ответить на мой вопрос, я приговариваю вас к двадцати ударам палками.

И старик подал знак страже.

Стража схватила тяжелые дубовые палки и принялась дубасить каменные статуи.

Тут все, кто сидел в комнате, не выдержали и начали смеяться.

Разгневанный судья вскочил с места и закричал:

— Смеяться над приговором судьи — преступление! И я объявляю вам наказание: каждый из вас должен до заката солнца принести сюда штраф: один сверток шелка. А кто не принесет, тот будет бит палками. Поторапливайтесь!

Тут все начали упрашивать старика:

— Господин судья, сжальтесь! Вы же знаете, что в нашей деревне шелком не торгуют и нам не у кого купить столько шелковой материи.

Но судья отвечал:

— Тот, кто вернется без шелка, узнает, больно ли бьют дубовые палки!

Тогда все поспешили разойтись, потому что знали: судья слов на ветер не бросает.

Как судья думал, так и случилось. К закату солнца все тридцать человек положили к ногам судьи тридцать свертков шелка.

Продавец увидел эти свертки и радостно воскликнул:

— Это мой шелк!

Судья сказал:

— Конечно, твой!

И, обратившись к тем, кто принес свертки, спросил:

— У кого вы купили?

Все в один голос закричали:

— У нашего лавочника! Он дол-го не хотел нам продавать, но мы ему заплатили втридорога, потому что не хотели быть битыми!

— Значит, лавочник и украл этот шелк! — сказал судья.— Отнимите у него свои деньги и приведите вора ко мне. Он получит сто ударов палками по пяткам.

Потом судья посмотрел на всех и добавил:

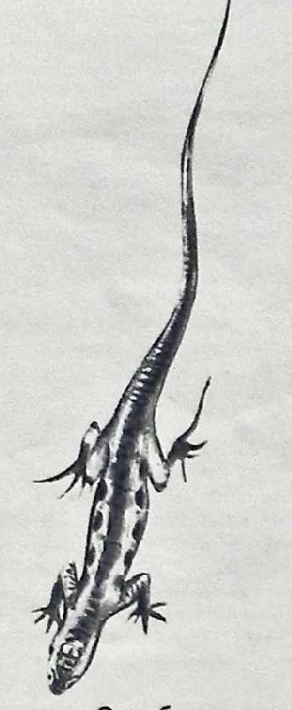
— Это каменные статуи помогли нам найти преступника: если бы я не приказал их бить, вы бы не смеялись. Если бы вы не смеялись, я бы вас не оштрафовал. Если бы я вас не оштрафовал, вы бы не бросились искать шелк и не захотели бы платить за него втридорога. Вот и выходит, что вора нам помогли найти статуи.

Тысяченожка и червяк

Рассказывала как-то трясогузка, почему тысяченожка не вышла замуж за червяка, а червяк не женился на тысяченожке.

Вот как это было.

Давным-давно под одним старым камнем жила прекрасная ты-

сяченожка. Она была известной на всю провинцию франтихой и постоянно любовалась своими маленькими ножками. А так как ног у нее было ровно тысяча, то, начав любоваться ими на заре, она заканчивала это занятие лишь к закату. Если же кто-нибудь из соседей случайно наступал ей на ногу, тысяченожка от обиды свертывалась в шарик и ни с кем не желала разговаривать.

А неподалеку от тысяченожки жил длинный червяк. Это был очень трудолюбивый червяк. Целыми днями он рылся в земле, прокладывал замысловатые подземные ходы и был доволен судьбой.

От постоянного ползания под землей тело червяка было блестящим, длинным и ловким.

Однажды после дождя червяк выполз из своего подземного дома на поверхность, увидел тысяченожку и сразу же полюбил ее. А тысяченожка увидела червяка и тоже полюбила его.

В тот же день червяк нашел сваху — это была старая ящерица — и отправил ее к родителям тысяченожки. Ящерица так расхваливала красоту и ум червяка, его длинное туловище, его многоэтажное подземное жилище, что тысяченожка сразу же согласилась выйти за него замуж.

Как только об этом узнали другие червяки, они стали извиваться, вздыхать и охать.

— Это ужасно! — восклицали одни. — Подумайте только: у его невесты тысяча ног! Несчастный, он никогда не сможет расплатиться с сапожником!

Другие говорили:

— Невеста — франтиха! Она потребует себе пятьсот пар башмаков простых, пятьсот пар выходных и пятьсот пар красных сафьяновых сапожек!

Подруги тысяченожки тоже были недовольны:

— Что она нашла в этом червяке? Ведь у него нет ни одной ноги. Это какой-то урод! — говорили одни.

— Подумать только,— подхватывали другие,— сколько дней надо потратить, чтобы скроить, сшить и накрахмалить одежду на такую длинную и нескладную фигуру!

Третьи ужасались:

— Бедная тысяченожка! Она никогда не будет иметь покоя. Ей придется с утра до вечера стирать, колотить вальками и крахмалить костюм мужа. Ведь червяк живет под землей, и ему надо менять одежду десять раз в день.

Когда тысяченожка услышала пересуды своих подруг, она очень расстроилась. И пока жених на радостях рыл под землей новый этаж для жены, тысяченожка, лежа под камнем, размышляла о своих будущих обязанностях.

Она думала о длинных одеждах, которые ей придется шить для мужа, о том, что эти одежды надо непрерывно стирать и крах-

малить, что ей вечно нужно будет заботиться, чтобы в доме было уютно, чисто и сыро.

Тысяченожка думала об этом день и ночь и наконец так расстроилась, что решила не выходить за червяка замуж.

Но, прежде чем тысяченожка сообщила об этом жениху, до червяка уже дошла весть об ее решении.

Сначала червяк очень огорчился. Но потом, припомнив все, о чем говорили ему друзья, подумал: «А где я возьму столько денег, чтобы обуть тысяченожку?»

Когда червяк подсчитал, сколько надо заплатить за пятьсот пар простых сандалий, он от волнения даже сжался. А когда он представил, сколько ему придется заплатить за пятьсот пар красных сафьяновых сапожек, он чуть не лишился сознания.

— Это невозможно! — вскричал червяк. — Где она будет держать столько обуви?! А какой шум поднимется в доме, когда тысяченожка будет ходить в башмаках на деревянной подошве! От такого стука можно оглохнуть.

Бедный червяк видел себя уже разоренным, глухим и измученным. Забившись в самую дальнюю комнату своего подземного дома, он достал тушь, взял кисточку и написал невесте отказ.

В тот час, когда тысяченожка получила письмо от червяка, червяк получил такое же письмо от тысяченожки. Свадьба их расстроилась, и червяк навсегда остался холостяком, а тысяченожка до самой смерти жила в одиночестве под старым камнем.

И не знал глупый червяк, что тысяченожка не носит никакой обуви и ходит босая, а ленивая тысяченожка и не подозревала, что червяк носит всегда одну и ту же одежду, которая никогда не пачкается.

Вот что бывает, когда слушаешь чужие толки и веришь праздным разговорам!

Как барсук и куница судились

Однажды барсук и куница бежали по лесной тропинке и увидели кусок мяса. Подбежали они к своей находке.

— Я нашел кусок мяса! — кричит барсук.

— Нет, это я нашла кусок мяса! — кричит куница.

Барсук твердит свое:

— Это я нашел! Нечего зря спорить!

Куница свое:

— Я первая увидела!

Так они спорили, спорили, чуть не разодрались.

Тогда барсук сказал:

— Пойдем к судье. Пусть судья нас рассудит.

А судьей в этом лесу была лисица.

Выслушала лиса барсука и куницу, подумала немного и говорит:

— Спор ваш рассудить нетрудно. Дайте-ка мне сюда вашу находку.

Отдали спорщики судье кусок мяса. Лиса опять немного подумала, а потом сказала:

— Мясо принадлежит вам обоим. Надо этот кусок разделить на две равные части. Одну часть пусть возьмет себе барсук, другую — куница.

С этими словами лиса разорвала кусок на две части.

— Это несправедливо, — заскулил барсук. — У куницы кусок больше.

— Мы сейчас эту беду исправим,— сказала хитрая лиса и быстро откусила от доли куницы изрядный кусок.

— Теперь у барсука кусок больше! — закричала куница. — Это несправедливо!

— Ничего, мы и эту беду исправим! Я люблю, чтобы все было по справедливости!

Сказав так, лиса опять откусила кусок мяса, только уже от доли барсука.

Теперь оказалось, что у куницы кусок больше, чем у барсука. Но лиса не растерялась и откусила от ее куска.

И так она выравнивала куски до тех пор, пока от находки ничего не осталось.

Видно, правду говорят умные люди: жадные да неуступчивые всегда в убытке бывают.

Литературная запись
Н. ХОДЗА

Елка

Сергей СМИРНОВ

Елка, елка,
скромница лесная,
Ты сегодня в гости к нам пришла
И, смолистый дух распространяя,
Засверкала около стола.
Ты пришла и сердце взволновала,
Как заря, зажегшая снега,
Как дымок солдатского привала,
Как тепло родного очага.
Не везде за стол сегодня сели.
Не у всех в руке бокал вина.
Где-то на далекой параллели
В это время
ухает война.
И горит,
горит, сердец не грея,
Пламя осветительных ракет.
Сыновья Вьетнама и Кореи
Бьют врага. И передышки нет!
Там поют моторы и осколки,
Рыщет смерть среди траншей и ям.
И нельзя сойтись
у нашей елки
Очень многим братьям и друзьям.
Но хотим,
чтобы из дальней дали
Вы, друзья,
Сквозь тысячи огней
Эту нашу елку увидали
И звезду, горящую на ней...
Тут в разгаре праздник новогодний.
Скатерть самобранная чиста.
За столом,
где мы сидим сегодня,
Есть для вас
Почетные места!

У ЕЛКИ. Фотоэтюд Дм. Бальтерманца.

ВЕЧЕРОМ ПОД НОВЫЙ ГОД.

Фотоэтюд О. Кнорринга.

Создано в 1952

Алексей ИВАНОВ,
народный артист СССР

Сняты леса со здания, и архитектурный облик города стал праздничней, нарядней. Сталинград и Улан-Удэ, Запорожье, Сухуми, Батуми и другие города получили новые театры. Недалек день, когда поднимется занавес и в ныне строящихся театрах-дворцах. Зрители Казани, Кургана, Челябинска, Нижнего Тагила и Калуги, Фрунзе и Петрозаводска с нетерпением ждут этого. На фото: здание театра в Батуми.

За год мы сроднились с этим сочетанием цифр — «1952» — и долго еще будем по привычке ставить в конце каждой даты устаревшую двойку. Потом мы избавимся от этой привычки и целиком отдадимся заботам, интересам и творческим волнениям нового, только еще начинающегося 1953 года. И думается: на грани между годом уходящим и годом наступающим, мечтая о новых успехах, стремясь к новым достижениям, полезно вспомнить, что же в событиях пролетевших двенадцати месяцев было самым примечательным, самым важным в нашем искусстве, что заслуживает самого пристального внимания, самого любовного взгляда.

Ответить на этот вопрос не так уж просто. В памяти возникают десятки разнообразных афиш, провозглашавших о новых спектаклях, об исполнении новых музыкальных произведений, о новых программах наших оркестров, хоровых и танцевальных ансамблей, певцов-солистов, пианистов, скрипачей, о появлении среди исполнителей новых, ранее никому не известных, а ныне уже популярных имен.

На моем столе накопилась довольно большая стопа извещений о просмотрах кинофильмов, о концертах, об открытии художественных выставок, о традиционных выпусках театральных, художественных, хореографических, музыкальных школ и училищ, институтов и консерваторий. Среди названий и имен, оставшихся в памяти от этого года, многие говорят о рождении новых талантов, о создании новых интересных произведений. Правда, истекший год принес нашим зрителям немало разочарований. Наша аудитория вправе требовать от работников искусства значительно больше новых фильмов, новых современных спектаклей, более высокого художественного мастерства. У нас были неудачи, но год 1952-й дал и немало хорошего, значительного.

Еще недавно мы с увлечением рассматривали проекты многоэтажных высотных зданий, макеты будущих домов-гигантов, выставлявшиеся в московских витринах в дни праздников. Ныне замыслы зодчих воплощены уже в сооружениях — волнующее осуществление смелой мечты и безукоризненного расчета совершилось именно в 1952 году. Несомненно, для нашего зодчества высотные здания в столице — это новый шаг вперед. Силуэт великого города с их сооружением приобрел удивительную рельефность и завершенность. В очертаниях уже обжитого административного здания на Смоленской площади есть и увлекательное дерзание и удивительное величие уверенности.

Еще более яркое впечатление новизны, творческого дерзания и подлинно социалистического размаха производят все сооружения недавно открытого грандиозного Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина. Строительная техника поднялась в этом величественном сооружении до уровня самых высоких эстетических требований. Прекрасна в своей простоте и плавности могучая водная магистраль, прекрасны созданные рукой человека моря, плотины, шлюзы, мосты, дороги — и все это, вместе взятое, рождает в сердце советского человека-созидателя радостное чувство победы над силами самой природы. Вдохновенные художники преобразили самый лик земли! Само собой разумеется, что этот трудовой подвиг многих тысяч строителей совершен при самом живом и активном участии мастеров советского искусства, в

Солистка Большого театра СССР Л. Авдеева.

Арфистка оркестра Большого театра СССР Ирина Советова.

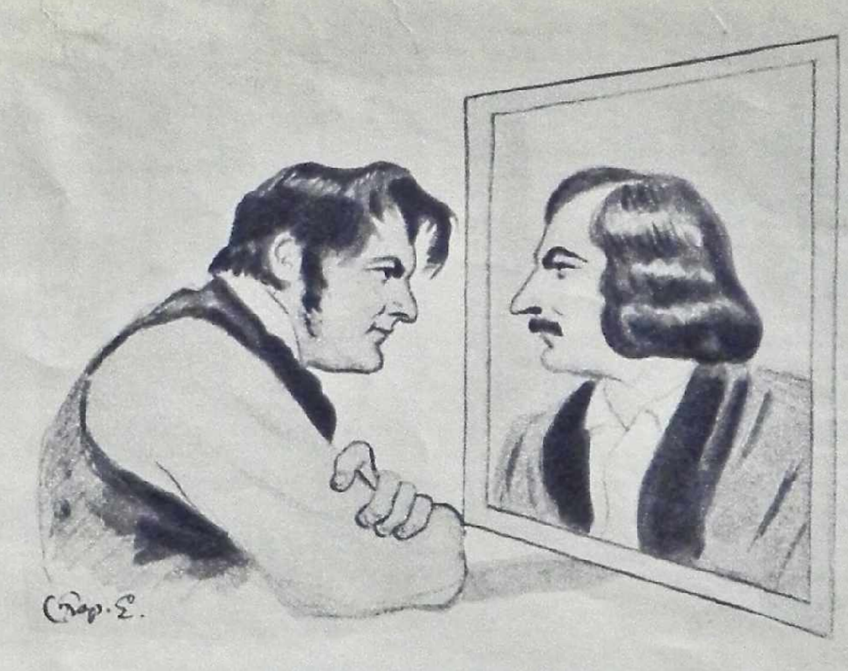
Скрипачка оркестра Большого театра СССР Ольга Дулова.

первую очередь зодчих и ваятелей. Созданная народным художником Е. Вучетичем скульптура И. В. Сталина, установленная у входа в канал со стороны Волги, как бы открывает целую вереницу ясных по замыслу и строгости формы произведений архитектуры и скульптуры, обрамляющих русло великого водного пути.

Завершение такого сооружения, как Волго-Донской судоходный канал имени В. И. Ленина, навсегда увековечит в памяти людей год 1952-й, знаменательный в истории нашего государства, год созидания, расцвета искусства.

Но в 1952 году в жизни советского искусства произошли и другие отрадные и по-своему знаменательные события. Будущий историк театра, несомненно, отметит, что в этом году советская сцена обогатилась многими драматургическими произведениями народно - демократических республик. В репертуар прочно вошли старинная китайская пьеса «Пролитая чаша» и рожденная недавно освободительной борьбой китайского народа драма «Седая девушка», современная болгарская пьеса «Земной рай» и творение румынской классики «Потерянное письмо», народная чешская сказка «Волынщик из Стракониц» и новая польская драма «Обычное дело»... Крепнут дружественные культурные связи советского народа с народами, уверенно направившими свой путь к социализму. В свою очередь, советское искусство служит постоянным животворным источником творческого опыта для художников стран народной демократии. Эту плодотворную традицию наш драматический театр будет развивать и в дальнейшем.

Дружеский шарж Бор. Ефимова.
Борис Смирнов сыграл в этом году в фильме «Композитор Глинка» (режиссер — Г. Александров) заглавную роль; на сцене Московского театра имени Пушкина он сыграл Гоголя в одноименной пьесе С. Алешина.

Советское кино за этот год освоило новый жанр — жанр фильмов-спектаклей, приобщающий миллионы зрителей к искусству лучших мастеров нашей сцены. Зрители самых далеких городов и сел страны знакомятся на киноэкране с выдающимися постановками таких великолепных творческих коллективов, как Малый театр, МХАТ, Ленинградский театр имени Пушкина, Украинский драматический театр имени Франко, Центральный театр Советской Армии и другие. Стены театров как бы раздвинулись, искусство их актеров и режиссеров предстало перед огромной, многомиллионной аудиторией, и значение этого факта, право же, трудно переоценить.

Хотелось бы, чтобы наше кино обратилось к экранизации самых выдающихся оперных спектаклей. Фильмы-оперы в исполнении солистов Большого театра привлекли бы живой интерес зрителей.

Особенно примечательны такие создания художественной кинематографии 1952 года, как «Композитор Глинка». Для всякого, кто дорожит сокровищами отечественной культуры, особенно ценно в этом фильме, напоенном прекрасной музыкой Глинки, то, что в нем с предельной выразительностью прозвучала тема народности гения русского искусства, что великий композитор раскрылся в нем как великий патриот. Эту редкую по своей художественной цельности картину по праву следует отнести к числу этапных произведений нашей кинематографии. Кроме того фильм познакомил нас с глубоким и сильным дарованием артиста Б. Смирнова, вдохновенно исполнившего заглавную роль, а ныне на сцене Московского театра имени Пушкина решающего сложнейшую творческую задачу — создания образа Н. В. Гоголя (спектакль «Гоголь» С. Алешина).

Крупный успех нашей кинематографии принесла экранизация одного из величайших произведений нашей классической драматической литературы — комедии «Ревизор» Н. В. Гоголя. Благодаря умной и тактичной работе постановщика В. Петрова, актеров и всего постановочного коллектива с экрана прозвучали живое гоголевское слово, беспощадный гоголевский смех, ожили бессмертные типы и типические нравы старой провинциальной России. Фильм обрадовал многими актерскими удачами и среди них — превосходным исполнением роли Хлестакова молодым артистом И. Горбачевым.

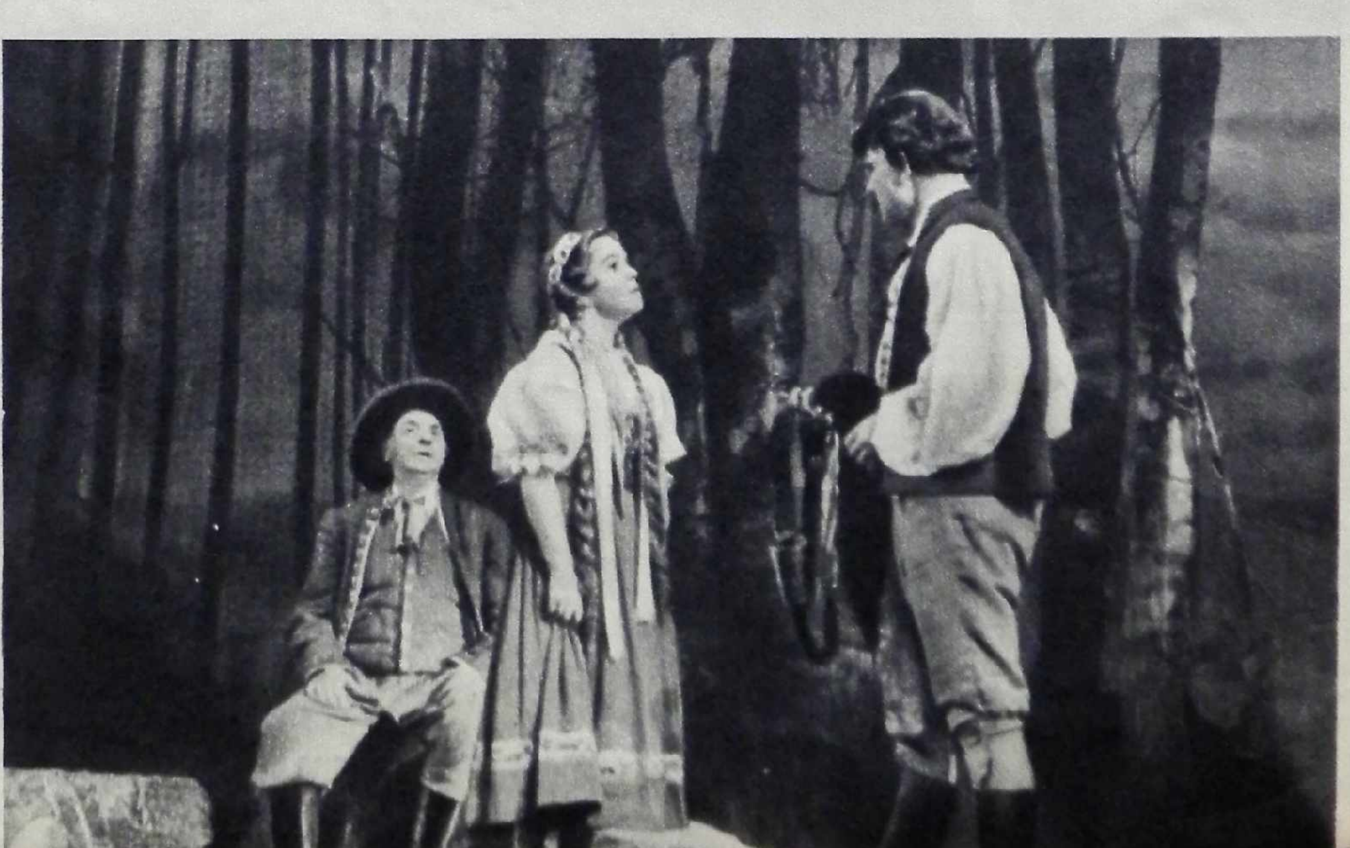
Смелое выдвижение молодых талантов всегда было особенностью советского искусства. В 1952 году это замечательное свойство проявилось многообразно и сильно. Воспитанники наших консерваторий, художественных и театральных вузов уже в студенческие годы в полный голос заявляют о своих дарованиях и творческих успехах — они участвуют в республиканских и всесоюзных художествённых выставках, в международных конкурсах, выходят на подмостки театров и концертных залов и быстро завоевывают популярность среди самых широких кругов слушателей и зрителей. Наши молодые музыканты, певцы, танцоры снискали популярность не только на советской сцене, но и за рубежом. С триумфом выступали молодые деятели искусств — по-

Солист Большого театра СССР Е. Белов в роли Онегина («Евгений Онегин»).

Уже более ста лет рассказывают в Чехословакии сказку о «заколдованной» волынке, которая только тогда трогает сердца слушателей своими напевами, когда музыкант помнит о своей родине и верен ей.
Глубоко патриотическую пьесу-сказку И. Тыла «Волынщик из Стракониц» воплотил в сценические образы Центральный детский театр в Москве. Поэтический рассказ о судьбе простых чешских людей, живших много лет назад, полюбился маленьким советским зрителям.

На фото: Канифоль (М. Холодов), Доротка (Г. Новожилова), Шванда (И. Воронов).

сланцы Советского Союза — в Китае, Польше, Румынии, Болгарии, Венгрии, Германской Демократической Республике, а также во многих других странах мира, везде демонстрируя высокую исполнительскую культуру.

Народный артист РСФСР Владимир Яковлевич Хенкин в маленькой роли подвыпившего гражданина в сатирической пьесе румынского классика XIX века Л. Караджале «Потерянное письмо».

Дружеский шарж Бор. Ефимова.

Нам, артистам Большого театра, особенно отрадно наблюдать творческий рост молодежи. 1952 год в этом отношении был знаменательным и для Большого театра. Москвичи впервые познакомились у нас с лирическим тенором В. Власова, исполнившего партию Баяна в «Руслане и Людмиле», Грицько в «Сорочинской ярмарке». Баритон Е. Белов выступает в заглавной роли в «Евгении Онегине» и поет Елецкого в «Пиковой даме», Ю. Якушева (баритон) мы слышим в операх «Галька» и «Иоланта». Молодые дирижеры, воспитанники Московской консерватории, Г. Дугашев и Г. Рождественский уверенно заняли место за пультом в оркестре Большого театра.

1952 год принес новые успехи и нашим композиторам. Словно помолодел талант одного из ведущих деятелей советской музыки — С. Прокофьева. Его «Седьмая симфония» проникнута жизнеутверждающим пафосом борьбы, радостью созидания. Новая кантата Д. Шостаковича «Над Родиной нашей солнце сияет» воспевает партию Ленина — Сталина. Это — одно из значительных произведений выдающегося композитора за последние годы. Хороши и новые вокальные пьесы, в особенности песня А. Новикова «Есть такая партия!», цикл песен Д. Васильева-Буглая, вокальный цикл Б. Шехтера и многие другие.

Правда, вокальный жанр — произведения для массового пения и для концертного исполнения — все еще находится в пренебрежении в Союзе композиторов, и мы, певцы, это ощущаем повседневно. Правда, минувший год так и не принес нам одной долгожданной радости: мы до сих пор не имеем новой, современной советской оперы, которой так ждем вместе со зрителями. Интересная и многообещающая работа над исторической оперой Ю. Шапорина «Декабристы», близящаяся к концу, не может восполнить отсутствие яркого оперного произведения о людях наших дней.

Решая трудную задачу создания современной оперы, советские композиторы обрели недавно в материалах XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза драгоценные указания, позволяющие вплотную приблизиться к желанной цели. «Сила и значение реалистического искусства, — указывает Г. М. Маленков, — состоит в том, что оно может и должно выявлять и раскрывать высокие душевные качества и типичные положительные черты характера рядового человека, создавать его яркий художественный образ, достойный быть примером и предметом подражания для людей». Не ясно ли, что эти требования как нельзя лучше освещают цель и самую суть оперного искусства? Обратимся к нашей классике. Разве не эти принципы полностью определяют строение «Ивана Сусанина» Глинки?

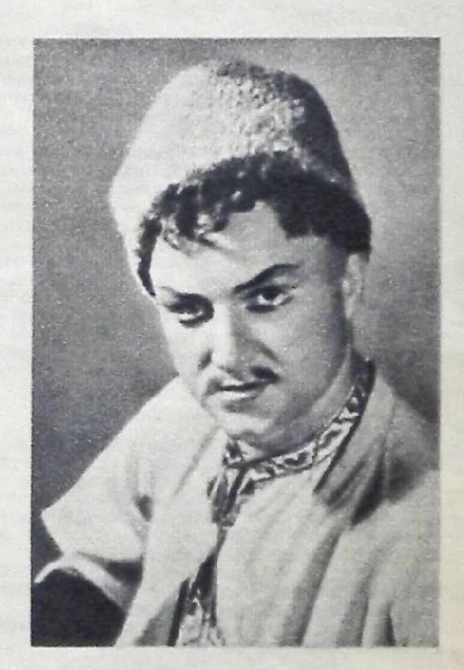

На премьере спектакля «Седая девушка» в Театре имени Евг. Вахтангова среди представителей Китайской Народной Республики был писатель Эми Сяо. Он говорил о постановке:
«Вахтанговцы пошли по наиболее трудному и наиболее плодотворному пути: они прежде всего постарались раскрыть идейное содержание пьесы, проникнуть в самую суть национального народного характера... Особенно радостно было отметить мне на премьере «Седой девушки»: одни и те же чувства волнуют простых людей, живут ли они на берегах Янцзы или Москвы-реки».

Не менее важно для композиторов и другое указание товарища Маленкова: «Сознательное преувеличение, заострение образа не исключает типичности, а полнее раскрывает и подчеркивает ее». В этой мысли подсказывается композиторам путь к созданию монументальных героических оперных образов.

Хочется верить, что наступающий год наконец принесет нам встречи со зрителем в новом, современном оперном спектакле, достойном нашей замечательной аудитории.

Внимание, которое уделил развитию советского искусства XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза, вдохновляет артистов, художников, писателей, композиторов на создание новых духовных ценностей. И мы будем добиваться того, чтобы успехи советского художественного творчества в 1953 году превзошли достижения истекшего 1952-го.

Солист Большого театра СССР Виталий Власов в роли Грицько («Сорочинская ярмарка»).

Жемчужина китайской классики — пьеса «Пролитая чаша» поставлена Московским театром сатиры. Это трогательная и поэтическая история любви бедного странствующего студента Чжан-Гуна к Ин-Ин, дочери министра императорского двора. На фото: Ин-Ин (артистка В. Васильева справа) и ее служанка Хун-Ян (О. Аросева).

Дирижер Большого театра СССР Геннадий Рождественский.

ШАХМАТНЫЙ ЧЕМПИОНАТ СССР

ДО БУДУЩИХ ВСТРЕЧ!

15 ДЕКАБРЯ

Шахматы, эта невероятно трудная игра, чем дальше, становится все популярнее. И чем дальше, тем труднее играть в шахматы. Не было, нет и, пожалуй, не будет человека, который не делал бы ошибок за доской. В этом, собственно, и заключается своеобразие шахмат. Можно сделать множество прекрасных ходов, и затем достаточно одной ошибки, чтобы все испортить.

Вот сегодня чемпион мира сделал около 30 хороших ходов и стратегически переиграл Корчного. Зрители уже готовы были поставить ноль (или, как говорят шахматисты, «бублик») против фамилии Корчного. «Спортивный интерес» заключался, казалось, лишь в том, удастся ли Корчному сделать положенные 40 ходов. Когда Корчной молниеносно делал ответные ходы, раздавались аплодисменты. Быть может, они-то и отвлекли немного Ботвинника. Чемпион мира сделал одну, другую, третью ошибку — более чем достаточно, чтобы испортить выигранную партию. Бурные аплодисменты были наградой Корчному, умело вышедшему из положения и сделавшему свой контрольный ход. Партия была отложена, затем последовало соглашение на ничью, и небольшая шахматная драма окончилась.

Бронштейн победил Аронина, Геллер — Иливицкого. В общем, в этом туре гроссмейстеры опять доказали свое право на почетное звание.

16 ДЕКАБРЯ

В связи с небольшим гриппом турнирное положение Толуша ухудшалось. Но сегодня больному стало легче. Смыслов допустил тактическую ошибку и дал возможность Толушу атаковать. А известно, что в атаке Толуш грозен. От позиции гроссмейстера остались одни развалины...

Каспарян в домашней обстановке создает шедевры шахматной композиции. Его этюды великолепны. Но на практике многое оказывается труднее. Сегодня наш знаменитый шахматный композитор не заметил возможности объявить мат в четыре хода, а затем сам получил мат от Суэтина. Чем это объяснить? Нервы, нервы...

Тайманов рвется вперед и одержал очередную победу над Липницким. Минский мастер Гольденов — мастер по теннису. За шахматной доской его удары слабее, чем в теннисе. Сегодня он подарил очко своему противнику Корчному.

Настоящую гроссмейстерскую игру продемонстрировали Ботвинник и Болеславский в острой схватке. Результат получился тоже гроссмейстерский — ничья.

17 ДЕКАБРЯ

«Вот это настоящий Смыслов!» — так говорили многие, когда, не без активного содействия Тайманова, казалось, что разгром лидера чемпионата неизбежен. Но Смыслов упустил два — три раза сильное продолжение — и Тайманов «выполз» из очень критического положения. Давно известно, что лидеру должно и немного везти!

Садясь за партию с Ботвинником, участники чемпионата стараются изо всех сил: каждый хочет добиться почетного результата с чемпионом мира. Сегодня с ним играл Каспарян. Он единственный из 20 участников, который еще не выиграл ни одной партии. Каспарян создал такие баррикады, что Ботвинник не мог добраться к нему ни с какой стороны. Ничья. Ботвинник не любит ничьих. Но что делать? Это пятая ничья подряд чемпиона мира.

Помимо того что Тайманов играет отлично, события складываются явно в его пользу. Как только появляется серьезный конкурент, тут же его задерживают. Вот Геллер мог близко подойти к Тайманову. Но, имея хорошую позицию с Моисеевым, Геллер неважно провел вторую часть партии, и обычно мирно настроенный Моисеев, перейдя в мощное контрнаступление, отнял у одесского гроссмейстера ценное очко. Моисеев сделал это с тем бóльшим удовольствием, что сам таким образом вышел на передний план.

19 ДЕКАБРЯ

Корчной снова «пожинал» аплодисменты во время игры с Таймановым. Но Тайманова аплодисментами не смутишь: он пианист и привык к ним. Бурное реагирование не повлияло на него, и, когда Корчной сделал свой последний, 40-й ход, Тайманов с олимпийским спокойствием отнял у Корчного фигуру. Очевидно, боясь «контраплодисментов», молодой мастер, вместо того чтобы сдаться, отложил партию в совершенно безнадежной позиции, а в дальнейшем сдал ее.

На пути к достижению звания гроссмейстера (3-е место в чемпионате) Толуша сегодня поддержал Болеславский. Болеславский щедро отдал ферзя, и у Толуша прибавилось очко.

Моисеева опять атаковали, и он снова победил контратакой. Молодой москвич борется за второе место.

* * *

Чемпионат идет к концу. Кончается и год. Это был хороший шахматный год. Ботвинник скажет: «Хоть я и проиграл несколько партий, но стал доктором технических наук». «Хорош был годик!— подумает Котов.— Наша команда привезла кубок из Хельсинки. А битва под Стокгольмом не скоро забудется!» Авербах, Геллер, Петросян и Тайманов родились как гроссмейстеры в минувшем году. Керес пожалеет, конечно, что в конце года ему пришлось сдавать дела чемпиона...

Гроссмейстеры могут остановить движение проходных пешек, но им не приостановить движения времени. Шахматы постарели еще на один год. Постарели и их мастера — Ботвинник, Керес, Смыслов, постарели и Геллер, Петросян, Тайманов, и даже самый молодой, Корчной, стал старше на год. Но советскому шахматному движению это не страшно. Растет смена! Мы уже знаем имя А. Никитина, 18-летнего мастера из Москвы, слыхали о 15-летнем Борисе Спасском из Ленинграда.

Советские шахматисты в 1952 году добились блестящих успехов. Несомненно, они заслужили, чтобы шахматный болельщик под Новый год поднял тост за наших старых чемпионов, за наших новых чемпионов.

А для кого так стараются наши шахматисты? Конечно, для вас, дорогой шахматный любитель!

С Новым годом, дорогие болельщики! До новых встреч! А где встречи, там и новые победы советских шахматистов.

С новым ходом!
Дружеский шарж Н. Лисогорского

Международный гроссмейстер
Сало ФЛОР

Елка для взрослых

Борис ЛАСКИН

Рисунки В. Георгиева

Просматривая дневную почту, он увидел открытку с изображением Деда Мороза. На обратной стороне был написан адрес и текст: «Заместителю главного редактора Дорофееву Виктору. Комиссия по работе среди бывших детей приглашает тебя на елку. Платформа Северная, улица Чехова, 5. 31 декабря в 10 часов вечера. Просьба явиться без опоздания. Председатель комиссии Ф. Травин».

Дорофеев пожал плечами. «Травин, — подумал он. — Какой же это Травин?.. — Он улыбнулся. — Ф. Травин... Федя Травин, товарищ по двадцать шестой школе. Первый заводила. Батюшки, мы же не виделись целую вечность! Надо поехать. Обязательно надо поехать...»

Когда машина вышла на широкое шоссе, Дорофеев прибавил скорость. Город, озаренный тысячами огней, остался позади. Слева торжественно сияла громада университета.

Уверенно ведя машину, Дорофеев с удовольствием думал о том, как приятно будет после такого долгого перерыва снова встретить своих школьных товарищей. Он вспомнил веселый выпускной вечер, добрые напутствия учителей, танцы в зале на третьем этаже. Как давно это было!..

Увлеченный воспоминаниями, Дорофеев вдруг забеспокоился. Где же поворот на Северную?.. Неужели он его проморгал?..

Разворачиваясь, он невольно повторил мудрое изречение редакционного шофера: «Мечтать водителю положено в нерабочее время».

Приехав на Северную, Дорофеев долго разыскивал улицу Чехова. Найдя наконец и улицу и дом, он подрулил к забору. Поднимаясь на крыльцо, он взглянул на часы. Так и есть — опоздал!

Дверь открыл незнакомец в игрушечной маске, изображающей хищную морду волка. Молча пожав руку Дорофееву, волк протянул ему картонную голову петуха. Дорофеев безропотно надел маску, после чего был введен в просторную, светлую комнату.

Вокруг зажженной елки весело кружились пары. Все были в масках. С изящной лисой старательно танцевал козел. Высокий медведь с неожиданной для него грациозностью вальсировал с зайчихой. Танцевали коренастый лев в черном костюме с ниспадающей на плечи мочальной гривой и волчица в нарядном вечернем платье. За роялем сидела снегурочка, пальцы ее бегали по клавишам, и в комнате звучал стремительный и легкий вальс.

Дорофеев с любопытством разглядывал ряженых. В маске было трудно смотреть: узкие прорези для глаз вынуждали вертеть головой, и это увеличивало его сходство с петухом.

Танец кончился, и тут же, словно по команде, все обступили Дорофеева.

— Друзья! — сказал волк измененным голосом.— Нашего полку прибыло. К нам явился петух. Раз он пришел последним, пусть угадает, кто перед ним сидит. А пока предлагаю приветствовать петуха!

Все зааплодировали, а козел сказал:

— Говорят, что петух — птица аккуратная, по нему даже часы проверяют, между тем данный петух опоздал...

— Я с дороги сбился, указатель проехал.

— На объективные причины ссылаетесь! — строго пробасил медведь.— Надо все же повнимательней быть!

— Маска, маска, а я тебя знаю,— засмеялся Дорофеев,— я тебя по голосу узнал. Ты Севка Легошин.

— Один — ноль,— сказал лев,— снимай, медведь, маску. Ты разоблачен.

Дорофеев увидел круглое смеющееся лицо Легошина.

— Здорово, однокашник!

— Здравствуй, одноклассник!..

Они наотмашь по стародавней школьной привычке похлопали друг друга по плечу, и Легошин представил Дорофееву свою жену, сказав при этом:

— Вот смотри, Наталка, вместе с этим петухом я получил полное среднее образование...

— Учили тебя, петух, учили...— тряхнул гривой лев,— а помнишь ли ты, что квадрат суммы двух чисел равен квадрату первого числа плюс удвоенное произведение...

— Стоп! — Дорофеев поднял руку.— Под маской царя зверей скрывается первый школьный математик Никита Молчанов.

Молчанов вздохнул:

— Ты меня не по голосу узнал. Меня терминология выдала.

— Пойдем дальше, — сказал Дорофеев. Он легко включился в игру.— Скажи, козел, несколько слов...

Козел потрогал свою картонную бородку:

— Что же мне тебе сказать?

— Где ты, козел, работаешь?

— Чересчур прямо вопрос ставишь. Работаю в станкостроительной промышленности...

— Так. Все ясно. А ты, случайно, не старший мастер?.. Не лауреат?

— Это ты почему же решил?

— А потому я это, голубчик, решил, что я твой портрет у себя в журнале печатал и, между прочим, телеграмму тебе на завод посылал, с премией поздравлял... Короче говоря, Вася Мишуков, снимай маску!

Мишуков расстался с маской и, подведя Дорофеева к своей супруге, миловидной толстушке с черными, очень живыми глазами, сказал:

— Ольга, знакомься с петухом. Я думаю, что мы сейчас узнаем, что он за птица...

— Безусловно, узнаем, — уверенно сказала лиса,— выдал ты себя, петух, выдал. Ты сказал: «Печатал у себя в журнале». Ты Виктор Дорофеев.

Вытирая лицо платком, Дорофеев, прищурившись, взглянул на лису:

— Кстати, уж не Верочка ли Порошина скрывается под маской лисы?..

— Порошина? И да и нет...

— То есть?

— Понимай, как хочешь.

— Может быть, у тебя другая фамилия? Может быть...— Чуть помедлив, он вдруг бросил взгляд на Никиту Молчанова и увидел, как тот улыбнулся и едва заметно утвердительно кивнул.— Вот что,— решительно сказал Дорофеев,— под маской лисы скрывается Вера Порошина-Молчанова.

— Доказательства?

— Какие уж тут доказательства? Я тебя чуть ли не каждую неделю по радио слышу. Лирическое сопрано, снимай маску!

Они поздоровались, и тогда, взяв Веру под руку, Дорофеев серьезно сказал:

— Вера, насколько я понимаю, ты вышла замуж за этого человека и связала с ним свою судьбу. Поздравляю и одновременно считаю своим долгом сказать тебе... Вера, мужайся! Этот человек — эгоист. В свое время он взял у меня лыжи, чтобы погулять с тобой в Сокольниках, и за это прислал мне шпаргалку на контрольной по математике...

— Ну и что,— засмеялся Молчанов,— ты хочешь сказать, что не воспользовался моей шпаргалкой?

— Нет, почему, воспользовался. Но ты все-таки эгоист. Думая о собственном удовольствии, ты не подумал о том, что пользование шпаргалкой могло притормозить мое научное развитие.

Все засмеялись, а Дорофеев уже разглядывал волка:

— Мне тебя жалко, серый волк.

— Почему же тебе меня жалко?

— А потому, что я тебя еще в прихожей узнал. Федя Травин, сними масочку.

Травин сбросил маску.

— С этим вопросом всё. Теперь угадай, кто наша снегурочка?

— А это для нас — пустое дело!.. Прекрасная незнакомка! Общественность хочет знать, кто вы такая.

— А вы угадайте.

— Вы, случайно, не Соня Лимаренко?

Снегурочка засмеялась:

— Нет, Витя, не угадал.

— Зоя Неверова.

— Опять не угадал.

Дорофеев призадумался: «Кто бы это мог быть?.. Такой тихий голос...» Внезапно лицо его осветилось догадкой. Как же он ее сразу не узнал?.. Он поклонился снегурочке:

— Дорогая Анна Александровна, с Новым годом!

Анна Александровна сняла маску, и Дорофеев увидел знакомое, почти не изменившееся с годами лицо их старой учительницы.

— Товарищи!..— начала было Анна Александровна, но ее вежливо перебил Травин:

— Анна Александровна, сегодня мы ребята. Мы же условились.

— Хорошо, ребята. Прежде всего я хочу поблагодарить Федю Травина за его милую затею. Все придумал Федя. Он привез эти маски и всякую всячину...

— Учтите, ребята, я ведь не кинорежиссер. Я всего-навсего инженер-конструктор!

Когда все заняли свои места за столом, Травин разлил по бокалам вино и встал:

— Ребята! Мы, ученики десятого класса «А», собрались сегодня у дорогой Анны Александровны. Мы уже давно кончили школу. В нашем классе занимаются другие ребята. И, как знать, может быть, за второй партой от окна, там, где сидели когда-то Никита и Вера и где перочинным ножичком будущего кандидата наук товарища Молчанова была начертана широко известная формула: «Никита + Вера = любовь»,— теперь сидят будущий академик и будущий народный артист. И в этом нет ничего удивительного. Это закономерно, поскольку жизнь идет вперед!

— Федя-то говорит, как пишет,— заметил Дорофеев.

— Если бы ты так в школе у доски говорил, цены бы тебе не было,— добавил Легошин.

— Братцы, не мешайте... Что я хочу сказать? Я хочу от всей души поздравить с Новым годом славную Анну Александровну и поблагодарить в ее лице нашу двадцать шестую школу, которая всех нас вывела в люди.

Все чокнулись с Анной Александровной и выпили.

Анна Александровна пригубила свой бокал и обвела взглядом стол. Вот они сидят перед ней, ее питомцы — инженер, прославленный мастер, артистка, ученый, гражданский летчик... Уже начались обязательные «А помнишь?.. А помнишь?..» Вот они сидят, смеясь и перебивая друг друга, взволнованно делясь своими радостями. Вот они поздравляют Васю — энтузиаста и новатора, живущего уже в тысяча девятьсот пятьдесят седьмом году. Они заставляют Севу рассказать, что он видел во время своего последнего полета в Туркмению, на трассу Главного Туркменского канала. Они хвалят и бурно критикуют журнал, в котором работает Виктор, радуются артистическим успехам Веры. Интересуются диссертацией Никиты и творческой работой Феди. Им все нужно знать, этим молодым неугомонным людям.

Анна Александровна внимательно слушает живую, шумную беседу, и ей кажется, что она видит их всех в школьном буфете на большой перемене. Сейчас прозвенит звонок, и все они, прыгая через две, а то и через три ступеньки, помчатся в класс и в момент, когда она откроет дверь, встанут, почтительно приветствуя ее...

Дорофеев поднял глаза, читая во взгляде Анны Александровны все то, о чем ей думалось в эти минуты.

— Ребята! — Травин постучал ножом по тарелке.— Я вижу, что вы рады нашей встрече... Посмотрите, что вы видите за окном?

— Деревья,— сказал Молчанов.

— Правильно. Ты еще в школе поражал нас своей наблюдательностью. Какие деревья?

— Хвойные,— подсказал Легошин.

— Ели,— уточнил Дорофеев.

— Правильно. Посмотрите на эту ближнюю елку. Она спит под снегом. Невдомек ей, этой самой елке, что мы встречаем сегодня Новый год. И, как знать, может, снится этой елке сон, что загорелись на ней разноцветные огни... А вообще говоря, стоит нам пожелать — и эта елка тоже засияет огнями!..

— Начинается область ненаучной фантастики,— сказал Молчанов.

— Вроде детской сказки,— добавил Мишуков.

— Что? Детская сказка?.. А вот, давай, крикни этой елке: «Зажгись!»

Мишуков с серьезным видом спросил:

— В форточку крикнуть или выйти, непосредственно обратиться?

— Можешь прямо отсюда.

Мишуков пожал плечами и, подмигнув товарищам, сказал:

— Что с человеком способно сделать невинное сухое вино! — Он обернулся к окну и громко произнес: — Елка! Сделай одолжение, зажгись!

Едва закончив фразу, он изумленно ахнул. Там, за окном, на большой ели, запорошенной снегом, вспыхнули разноцветные огни.

Все захлопали в ладоши и посмотрели на Травина, а он, высоко подняв голову, застыл в величавой позе.

— Твоя работа? — спросил Дорофеев.

— Игра природы,— скромно ответил Травин.

Анна Александровна тепло посмотрела на него.

— Эта «природа» приехала раньше всех, увешала елку лампочками и потом час путалась в проводах...

— За мной! — вдруг крикнул Травин.— Все, кроме Анны Александровны, вперед!

— Куда вы? — крикнула учительница.

Но было уже поздно. Она увидела, как все сбежали с крыльца и, взявшись за руки, закружились в хороводе вокруг елки. Все это длилось не больше минуты. Потом, раскрасневшиеся от мороза и бега, они влетели, как добрые духи, в облаке пара. Бокалы уже были полны.

— Теперь уж скажу я,— Анна Александровна погрозила им пальцем,— ведете вы себя, как мальчишки. Без пальто на улицу, на мороз. Разве это можно?

— Не притворяйтесь строгой, — засмеялся Дорофеев,— сегодня вам это не удастся!

— Я поднимаю этот бокал, — сказала Анна Александровна, и все, притихнув, посмотрели на нее,— за светлую молодость, которая не проходит, за Новый год, мирный и счастливый! За вас, дорогие мои друзья!

Зазвенели бокалы, и в их стекле затейливо отразились праздничные огни елок — и маленькой, комнатной, и той, высокой, искрящейся, нацеленной в звездное небо.

По телефону и лично

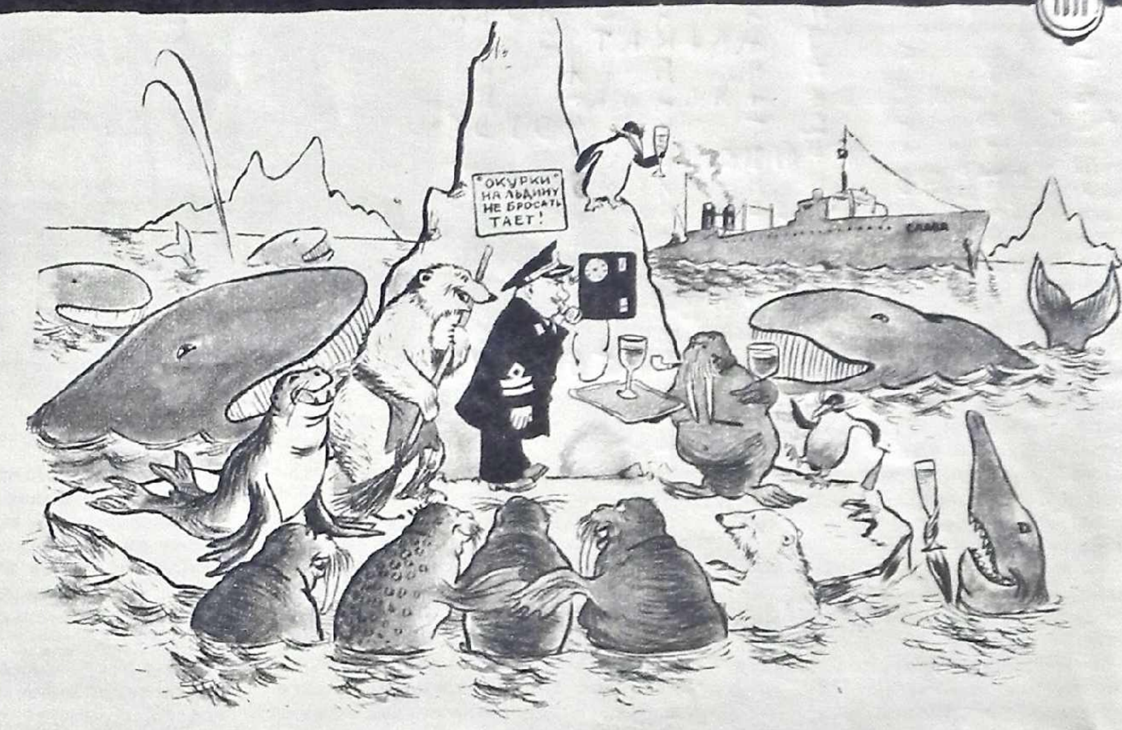
Текст Эм. КРОТКОГО

Рисунки Е. ВЕДЕРНИКОВА

Я прибыл в срок. Как всем известно,
Мой принцип: двигаться вперед!
Я наступаю повсеместно.
Привет! Встречайте.

Новый год.

Китих кокетливых орава
Глядится в льды, как в зеркала...
Киты повсюду — слева, справа!

Привет столице! Наша «Слава»
До льдов Антарктики дошла.

БАТЮШКЕ-ДОНУ
ГОД НАШЕЙ ВСТРЕЧИ ЗАПОМНЯТ НАДОЛГО!

РАДА, ЧТО ВСТРЕТИЛИСЬ.
МАТУШКА-ВОЛГА.

Год-то нов, да что-то стар
У него репертуар!..

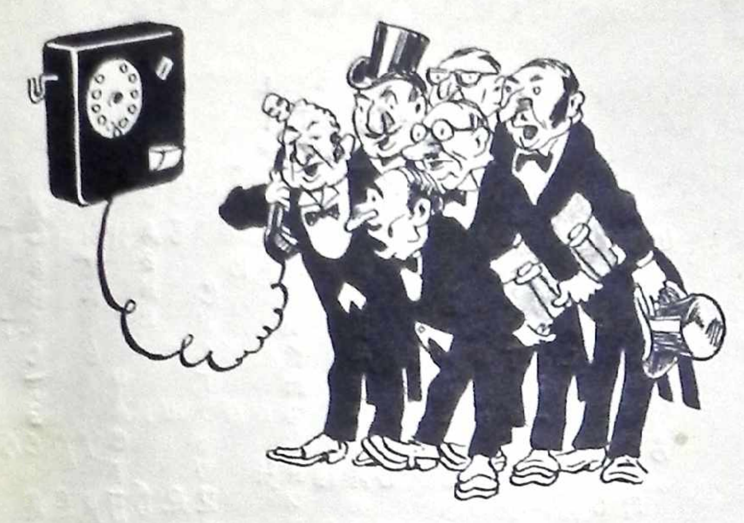
Мне Новый год не даст утехи!
Натуре ветреной моей
Поставят новые помехи!
Я недоволен.

Суховей.

Предусмотрителен и гибок,
Я заготовил наперед
Свой «план признания
ошибок» —
На полугодие и год.

— ГОСДЕПАРТАМЕНТ! ЗВОНЯТ ИЗ ООН

Средь голосующих —
разброд!
Не знаем: надо иль не надо
Голосовать за Новый год?!
Ждем указаний.

Ваше стадо.

— НАС РАЗЪЕДИНИЛИ...
ЭТО Я, ГИТЛЕР...

Ваш план — не ваш.
Под планом этим
Мой штамп. Дерзните
в свой черед —
И мы тогда совместно
встретим
Потусторонний Новый
год!

— ВАШИНГТОН! АЛЛО!
У ТЕЛЕФОНА ФОРРЕСТОЛ

Жду новогоднего приема.
Зайду поздравить. **Все ли дома!**

ГОВОРИТ «МЛАДШИЙ
ПАРТНЕР»

Чреватый множеством
невзгод
И кризису подверженный,
Мой незавидный **Новый год**
Походит на **подержанный!**

Басня о точке

В ту ночь метели не шумели,
И в тихий час под Новый год
Вокруг заиндевевшей ели
Собрался заячий народ.
Ломился стол от лакомств разных,
Бал предстоял и карнавал,
И, словом, новогодний праздник
Быть интересным обещал.

Все в тесноте, но не в обиде
Расселись. И солидный гость
Встал и промолвил:
— Разрешите
Произнести короткий тост!

Беду предчувствуя едва ли,
Желая гостя поощрить,
Зайчихи «Просим!» закричали,
И заяц начал говорить.
Сначала объявил он вкратце,
Держа бокал свой навесу,
Что хорошо так собираться
И Новый год встречать в лесу.
Затем, бокал на стол поставив,
Он стал пространно объяснять,
Что здесь скучать никто не вправе:
Всяк должен петь и танцевать.

Пока все это объяснял он,
Косились зайцы на бокалы,
Стараясь даже не смотреть
На аппетитнейшую снедь.

А он опять поднял бокал
И в заключенье так сказал:
— Я б точку здесь поставил
смело,
А что же есть, по сути дела,
Вот этот самый Новый год?
Вы, то есть мы, короче, все мы,
Еще короче, вы и мы,
Уже касались этой темы,
И каждый раз — в разгар зимы.
А почему?..
И тут толково
Вопрос он начал разбирать,
И старый год сменился новым,
И зайцы начали дремать.
А он, покончив со вступленьем,
Найдя какой-то переход,
Увлекся полным изложеньем
Событий за истекший год.

Луна растаяла в тумане,
Какой там, к чорту, карнавал:
Уснули зайцы на поляне,
А он все так же продолжал...

⁎ ⁎ ⁎

Мораль займет всего две строчки:
Прервав поток ненужных фраз,
Умей всегда поставить точку...
Что мы и сделаем как раз.

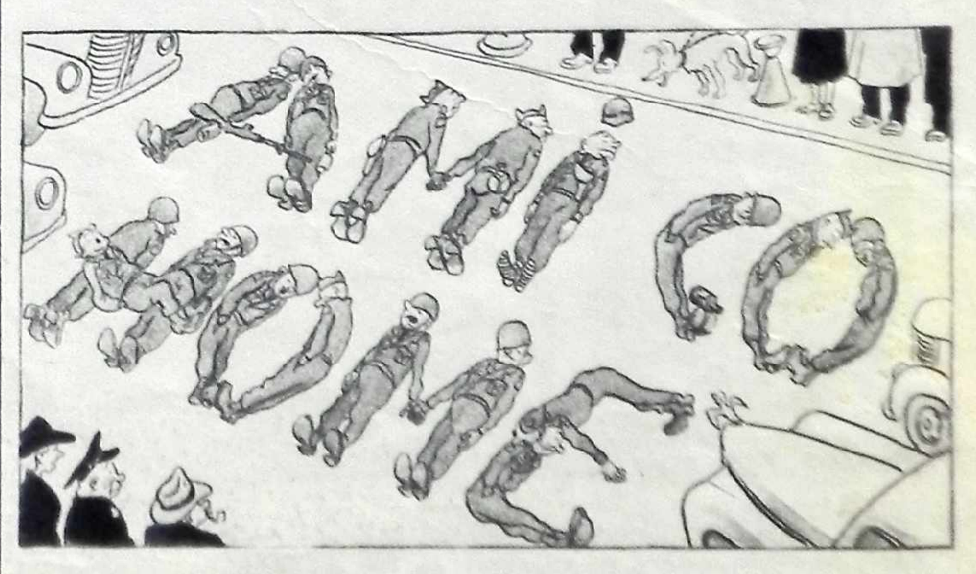
В. Бахнов,
Я. Костюковский

ЯНКИ ПОСЛЕ ПЬЯНКИ

В оккупированных американскими войсками городах Западной Европы все чаще появляются надписи: «AMI, GO HOME!» — «Янки, убирайтесь прочь!» Эти надписи оккупанты уничтожают, но, выйдя утром на улицу, жители городов снова видят их.

Вон янки — с ног свалил их сон,
Их много в пьяной куче!

...Из них (порядок наведен!)
Сложили фразу: «Янки — вон!»
Ведь так гораздо лучше?!

Новогодняя сказка

Сергей ОРЛОВ

Рисунки Ю. Федорова

Мой мальчишка крепко спит в кроватке,
Одеялом бережно укрыт.
Рыжие взъерошенные прядки
Полночи дыханье шевелит.

Ничего про Новый год не зная,
Смотрит сын младенческие сны.
На подушке — елки тень резная,
За окошком — желтый шар луны.

Чтоб никто мальчишку не тревожил,
Ходит сторож в шубе у ворот,
А в полях на снежном бездорожье
Новый год с подарками идет.

Он идет к мальчишке издалёка
Весь в снежинках, с головы до пят.
И об этом от Владивостока
До Карпат повсюду говорят.

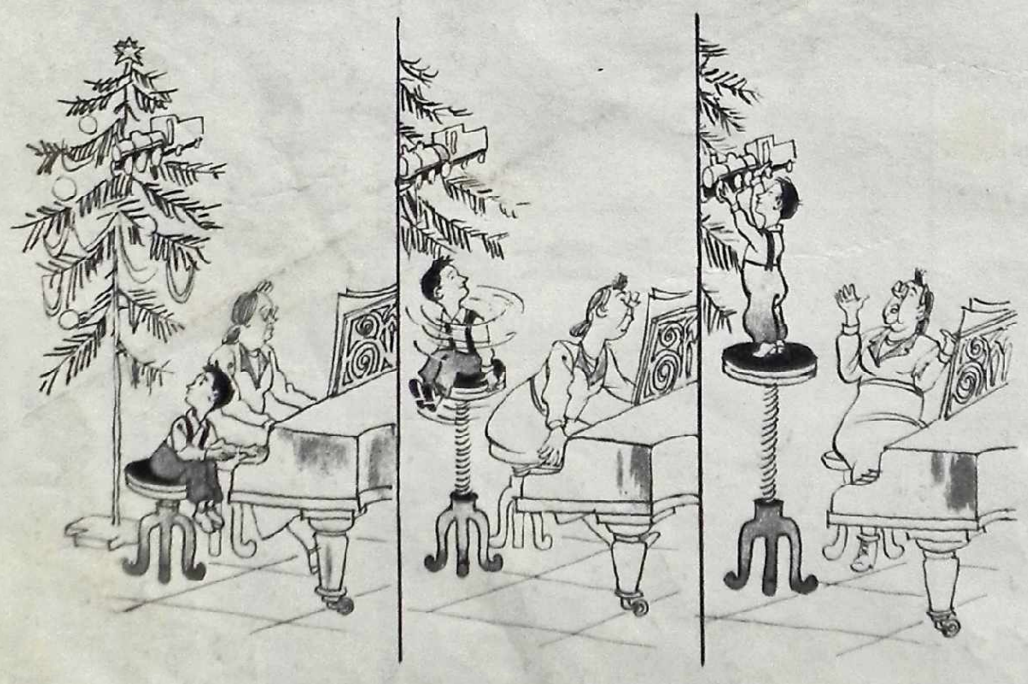
Зайцы бьют в тугие барабаны,
Лапок не жалея, что есть сил,
На дворе колхозном из тумана
Сам петух о нем проголосил.

Встал петух, на жердочке качаясь,
Как костер из пуха и пера,
Гребешком зазубренным касаясь
Крыши оцинкованной двора.

Лишь один медведь коротконогий,
Видно, позабыв про Новый год,
В теплой темноте своей берлоги
Лапу шоколадную сосет.

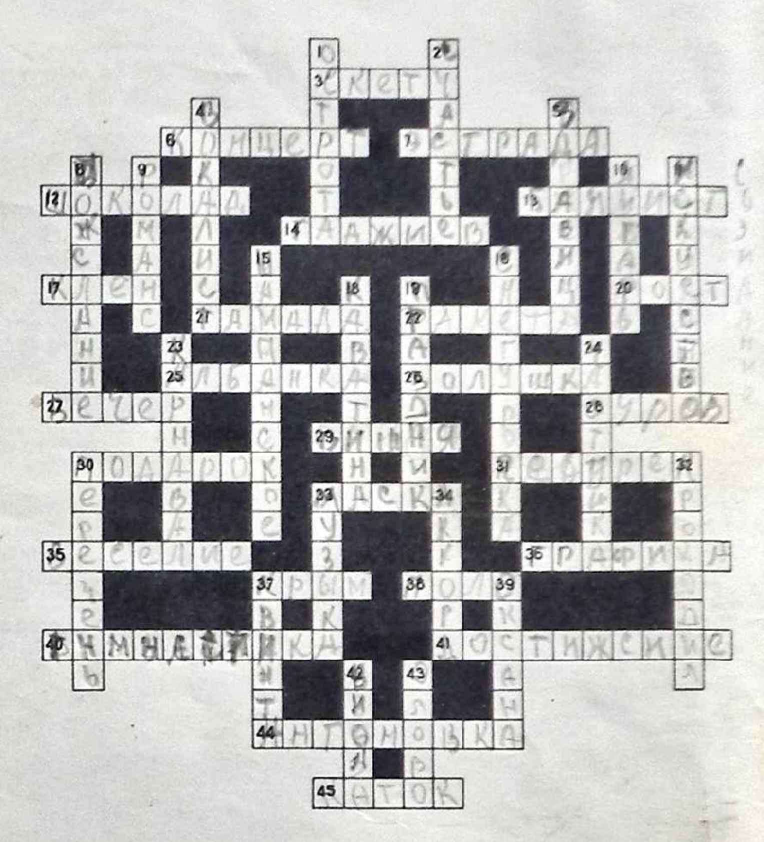
Если бы проснулся вдруг мальчишка,
Со своей кровати ночью встал,
Он бы недогадливого мишку
За уши, конечно, отодрал

И сказал медведю: «Что ж ты, соня,
Сам проспал, не разбудил меня!»
Полночь. Шар луны на подоконник
Из-за тучки падает, звеня.

Изошутка Ю. Черепанова

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Короткая пьеса шутливого содержания. 6. Выступление артистов. 7. Искусство «малых форм». 12. Кондитерское изделие. 13. Музыкант. 14. Автор симфонической поэмы «За мир». 17. Дерево. 20. Совершенствование в процессе развития. 21. Распорядитель пира. 22. Снаряд, применяемый для фейерверка и сигнализации. 25. Представительница населения одной из стран народной демократии. 26. Балет С. Прокофьева. 27. Часть суток. 28. Автор пьесы «Рассвет над Москвой». 29. Ягода. 30. Дар. 31. Пирожок. 33. Рассказ А. П. Чехова. 35. Беззаботно-радостное настроение. 36. Изобразительное искусство. 37. Полуостров на юге СССР. 38. Игра в мяч. 40. Совокупность упражнений для физического развития организма. 41. Положительный результат, успех. 44. Сорт яблок. 45. Спортивная площадка.

По вертикали:

1. Удачное, смешное выражение. 2. Высшее удовлетворение. 4. Специалист по постановке певческого голоса. 5. Тост. 8. Предложение. 9. Вокальное произведение. 10. Месяц года. 11. Творческое отражение действительности в художественных образах. 15. Вино. 16. Опера Н. А. Римского-Корсакова. 18. Небольшая лирическая ария. 19. День торжества. 23. Народный праздник. 24. Произведение устной народной поэзии. 30. Сборник словесно-музыкальных произведений. 32. Название журнала. 33. Вид искусства. 34. Сочетание музыкальных тонов. 37. Пятая ступень гаммы. 39. Персонаж оперы С. Гулак-Артемовского «Запорожец за Дунаем». 42. Старинный смычковый инструмент. 43. Серебристо-белый металл.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 52

По горизонтали:

7. Пярну. 9. Лоция. 10. Свидетель. 11. Садок. 13. Тракт. 15. Комедия. 18. Ихтиолог. 20. Воропаев. 21. Сулак. 22. Чирок. 23. Укроп. 24. Шатун. 26. Чистотел. 27. Некрасов. 29. Атбасар. 30. Дрозд. 33. Пайка. 35. Обработка. 36. Образ. 37. Кайра.

По вертикали:

1. Тяга. 2. Пуск. 3. Эфироносс. 4. «Поединок». 5. Альт. 6. Диск. 8. Перец. 12. Достоинство. 14. Айвазовский. 16. Колонок. 17. Конкурс. 19. Гудал. 20. Валун. 24. Шестерня. 25. Ненастье. 28. Шайба. 31. Рубо. 32. Доза. 33. Пакт. 34. Корт.

В этом номере помещены репродукции картин Н. Н. Данилина «Подшутили», Н. Д. Кузнецова «Москва. Третий километр», две страницы цветных фотографий и табель-календарь на 1953 год.

Следующий номер «Огонька» выходит 11 января.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, К. В. СМИРНОВ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А 07737. Подп. к печ. 23/XII 1952 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 580 000. Изд. № 1012. Заказ № 3114. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

АМЕРИКАНСКИЙ НОВЫЙ ГОД ПО ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОМУ ВРЕМЕНИ

— Сейчас ровно полночь по вашим часам, господа,— можете приступать к встрече Нового года.

Рисунок Ю. Ганфа

ЦЕНА 3 РУБ.